

Свойства страсти.
Русские поэты XX века
составитель
Сергей Кузнечихин
Красноярск. 2010г.

От составителя

Я почти уверен, что каждый любитель поэзии, хотя бы мысленно, составляет свою антологию. В докомпьютерное время не раз и не два доводилось держать в руках потрепанные записные книжки, в которые убористым почерком вписывались стихи, чаще всего – о любви. Официальные издательства тоже позволяли себе расслабиться и после обязательных (идейно выдержанных) сборников выпускали антологии любовной лирики. Выходили они и в столичных издательствах, и в областных. Перелистывая одну из таких книг, переполненную робкими «вздохами на скамейке», я позволил себе поворчать на излишний пафос и стыдливость чувств. Тут-то мне и напомнили, что критиковать всегда проще. Возьми, мол, сам и собери. И я пообещал. Перелистывая книги любимых поэтов (а любимый и знаменитый для меня не всегда синоним), с грустью отмечал, что интересных и ярких стихов о любви не так уж много. При отборе старался как можно реже использовать тексты, кочующие из одной антологии в другую, и расширить круг авторов.

Сергей Кузнечихин

СОДЕРЖАНИЕ:

[Ахматова Анна](#)
[Алешковский Юз](#)
[Арямова Вера](#)
[Баркова Анна](#)
[Беликов Юрий](#)
[Безденежных Марина](#)
[Блаженных Вениамин](#)
[Блок Александр](#)
[Брюсов Валерий](#)
[Бородицкая Марина](#)
[Васильев Алексей](#)
[Васильев Павел](#)
[Викторов Борис](#)
[Влодов Юрий](#)
[Вознесенский Андрей](#)
[Волков](#)
[Высоцкий Владимир](#)
[Горбовский Глеб](#)
[Горбовская Екатерина](#)
[Горелова Ирина](#)
[Григорьев Олег](#)
[Григорьева Надежда](#)
[Григорьева Софья](#)
[Грозовский Михаил](#)
[Дербина Людмила](#)
[Долгополова Татьяна](#)
[Евтушенко Евгений](#)
[Ерёмин Николай](#)
[Есенин Сергей](#)
[Ёлтышев Александр](#)
[Жуков Геннадий](#)
[Игнатенко Николай](#)
[Зенкевич Михаил](#)
[Кадикова Ирина](#)
[Камянов Борис](#)
[Капелько Владимир](#)
[Кедрин Дмитрий](#)

[Ковда Вадим](#)
[Кононов Геннадий](#)
[Корнилов Владимир](#)
[Косенков Борис](#)
[Краснова Нина](#)
[Крюкова Елена](#)
[Кузнецова Светлана](#)
[Кузнецов Юрий](#)
[Кузнечихин Сергей](#)
[Кутилов Аркадий](#)
[Лавров Владимир](#)
[Лиснянская Инна](#)
[Лысенко Геннадий](#)
[Львова Надежда](#)
[Марков Сергей](#)
[Мурзин Дмитрий](#)
[Набоков Владимир](#)
[Нарбут Владимир](#)
[Немова Тая](#)
[Никулина Наталья](#)
[Носочова Ия](#)
[Нутрихина Наталья](#)
[Оболдуев Георгий](#)
[Пастернак Борис](#)
[Павлова Вера](#)
[Павловская Анна](#)
[Панченко Николай](#)
[Прокошин Валерий](#)
[Радкевич Владимир](#)
[Решетов Алексей](#)
[Рыжий Борис](#)
[Савиных Марина](#)
[Санникова Наталия](#)
[Северянин Игорь](#)
[Семенова Елена](#)
[Симонова Екатерина](#)
[Слепухин Сергей](#)
[Смирнов Юрий](#)
[Соломонова Любовь](#)
[Степанов Евгений](#)
[Столица Любовь](#)
[Стройло Алла](#)
[Сутулов-Катеринич Сергей](#)
[Тарасов Николай](#)
[Таран Лев](#)
[Тимофеевский Александр](#)
[Тимирёва Анна](#)
[Тиняков Александр](#)
[Токранов Юрий](#)
[Третьяков Анатолий](#)
[Федоров Василий](#)
[Хлесткина Елена](#)
[Холин Игорь](#)
[Цветаева Марина](#)
[Шепета Иван](#)
[Шелленберг Вероника](#)
[Шкапская Мария](#)
[Шманов Алексей](#)
[Юдин Борис](#)
[Эфрос Абрам](#)

Анна АХМАТОВА
(1889)

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти,-
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие - поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

Юз АЛЕШКОВСКИЙ
(1929)

СОВЕТСКАЯ ЛЕСБИЙСКАЯ

Пусть на вахте обыщут нас начисто,
пусть в барак надзиратель пришел,
Мы под песню гармошки наплачемся
и накроем наш свадебный стол.

Женишок мой, бабеночка видная,
наливает мне в кружку «Тройной»,
вместо красной икры булку ситную
он намажет помадой губной.

Сам помадой губною не мажется
и походкой мужскою идет,
он совсем мне мужчиною кажется,
только вот борода не растет.

Девки бацают с дробью «цыганочку»,
бабы старые «горько!» кричат,
и рыдает одна лесбияночка
на руках незамужних девчат.

Эх, закурим махорочку бийскую,
девки заново выпить не прочь —
да, за горькую, да за лесбийскую,
да, за первую брачную ночь!

В зоне сладостно мне и не маятно,
мужу вольному писем не шлю:
и надеюсь, вовек не узнает он,
что я Маруську Белову люблю!

Вера Арямнова
(1954)

Про это

Это змей. Это Бог. Это время.
Это пламя моё между ног.
Это дрожь. Это блеф. Это темя.
И оргазма бесстыдный цветок.

Это мышь. Это чушь. Это кривда.
И капризный, слепой монитор.
Это Сцилла. А это – Харибда.
Тесный вход. Но за ними – простор.

Это сын. Это боль. Это кухня.
Это тишь. Это речь. Это – течь.
Это свод. Он когда-нибудь рухнет.
Это жизнь. Это мир. Это сечь.

Это совесть. А это – желанье.
Это роль. Это, может быть, я.
Это – он, не последний, не крайний.
Это – сахар и соль бытия.

Отломи осторожно щепотку.
Да не ты!.. И не так, твою мать!
Не солёно, не сладко – щекотно
петь и плакать, смеяться, кончать.

Это – труд. Это пот. Это память.
Это текст. Это вязь Фаберже.
Это вечно. Не рухнет, не канет.
Это равновелико душе.

Анна БАРКОВА
(1901)

ОБЫКНОВЕННЫЙ УЖАС

Кругом народ – неизбежные посторонние.
Ну как нам быть при этом с любовью?
Если рука так ласково тронет,
Разве можно сохранить хладнокровье?

Глаза наточены, наточены уши
У этих всех... наших ближних.
Они готовы просверлить нам душу,
Ощупать платье верхнее, нижнее.

А ну-ка представим себе помещение,
Где на воле нам жить придется
Оконца слепые для освещения,
Под щелястым полом скребется

То ли крыса, то ли другая гадина.
А кругом-то все нары, нары.
А на нарах... Боже! Что там «накладено»:
Тряпки, миски. И пары, пары...

Морды, которые когда-то были
Человеческими светлыми лицами.
И мы с тобой здесь... Но не забыли,
Что когда-то жили в столице мы.

Мы поспешно жуем какой-то кусок.
Надо спать, не следует мешкать.
И ложимся тихо мы «в свой уголок»
В темноте зловонной ночлежки.

Ну как при этом быть с любовью?
Кругом народ – посторонние.

На грязной доске, на жестком изголовье
Мы любовь свою похороним.

Похороним, оплачем, все-таки веря,
Что это все временно терпим мы.
Что мы не пошляки, не грубые звери
В этом мире спертом и мертвенном.

«Временно, временно»... А время тянется,
А для нас, когда время наступит?
Быть может, когда в нас жизни останется
Столько же, сколько в трупe.

Ты боишься, что Ужас Великий грянет,
Что будет страшней и хуже.
А по моему, всего страшней и поганей
Наш обычный, спокойный ужас.

Марина БЕЗДЕНЕЖНЫХ
(1962)

Ошибочка. Перегиб.
Друг друга понять слабо нам...
Что ж, ты себя береги.
Себя и свою свободу.
Доигрываю игру.
Опять выпадает нечет...

А пленных я не беру –
Кормить, понимаешь, нечем.

Просто вежливость. Не робость.
Проигрыш. Не боль.
Самолюбие боролось
Дольше, чем любовь...

Хоть любимыми их назови–
Пациентов, клиентов и прочих!..
С ними ты, как со мной, визави,
Визави – неизбежное против.

До чего ж мы с тобой далеки...
Все шлифуем гербы и девизы...
Лишь насмешки скрестим, как клинки,
Обозначив опасную близость.

Вениамин БЛАЖЕННЫХ
(1921)

Это жалкое ложе, где мы совершали
То, что ведомо даже скоту,
Эти жалкие нары с барачными вшами –
У меня на особом счету.
Ты лежала на сбившейся в ком телогрейке,
Но сияло во мраке лицо,
Потому что нежданному другу навеки
Подарила себя, как кольцо.

Нет, скоту не понять этой тайной гордыни –
Проникать в сокровенную суть,
И касаться со стоном сокрытой святыни,
Словно кончил паломник свой путь.
Мы и сами не знали, как это случилось,
Но в глубинах и чресел, и глаз
Что-то тайно вершилось, и тайно лучилось,
И счастливыми делало нас.

В ней пробудилась женщина опасно,
И вот она приманкой стала всех,
И вот она горит в огне соблазна,
И обжигает тело стадный грех.
В ней пробудилась женщина, как порох
Мгновенно пробуждается в стволе,
И вот она во всех пылает взорах,
Посланица соблазна на земле...

Я войду в твоё тело грешное,
Как заходит мужик в кабак,
То-то спляшется, дух распотешится,
То-то будет любовь-гульба.
У волос твоих запах поля,
А на поле любому ночлег —
И вздохну я на вольной воле,
Что везучий я человек.
Ты обнимешь меня руками,
Как ветвями родных берёз,
Твои груди стоят холмами,
Вся ты слаще мальчишеских слёз.
И усну я на поле кротко,
Подушав в долгожданной гульбе, —
И услышу, как Бог на водку
Приглашает меня к себе.
Мужику-сотрапезнику лестно
Рассказать, что он знал на веку, —
И шепну я о тайне телесной
В ухо грешное Старику.

О женщина, ты раздеваешь платье
Иходишь в эту грешную строку...
Подай своё мне тело Христа ради,
Подай своё мне тело, старику.
Пускай, как утоление плотской муки,
Окутает нас сладостная мгла, —
И вдруг сорвутся старческие руки,
Нашарят груди, как колокола, —
И первый колокол ударит глухо,
И подголосок возвестит о том,
Что Магдалина дева, а не шлюха,
И в вечности соседствует с Христом...

Я не вижу ничего дурного
В том, что для седого старика,
Как лекарство с ложки для больного,
Два нужны целебные соска.
Два соска любимейшей из женщин,
И у каждого соска свой клюв,
И вся грудь голубкою трепещет,
Когда я шепчу тебе: «Люблю...»

Это ликование сладкой дрожи,
Эту дрожь сводящую с ума, —
Дай мне подержать в губах подольше,
Женщина, сестра моя и мать.
Женщина, жена моя и мука,
Женщина, отдавшая соски, —
Грудь твоя лебяжья мягче пуха
И прибежище моей тоски...

Юрий БЕЛИКОВ
(1958)

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Приду в твой дом, где муж и дочь,
чтоб рядом быть с тобой всю ночь.
Свалюсь, ничтожный и больной
на пол, застеленный тобой.

Какая мгла! Какая тишь!
Так вот как, милая, ты спишь!
А я сегодня не усну.
Я буду слушать тишину.

И вот по этой тишине
проходишь ты, да не ко мне.
И стонет в кране со стыда
тобой открытая вода.

О, всё равно! Мне в эту ночь
в твоём доме, где муж и дочь,
с подушкой маленькой одной
принадлежит хоть запах твой!

И я безумно поутру
не тем, чем надобно, утру,
гонимый грозно на крыльцо,
свое холопское лицо.

РОМАНС О МУЗЕЕ

Смята подушка. Заколка забыта.
Стул опрокинут. Вино не допито.
Грешное ложе. Святая примета —
незатвердевшее пятнышко света.
Это — музей. Вы сюда не войдете.
Он — для двоих. Но вторая — в отлете.
Медленно горбит надменные плечи
хмурый хранитель единственной встречи.
Пес телефонный, он снова и снова
ждет, затаившись, звонка неземного.
И в ожидании, тяжком и сладком,
строго следит за своим беспорядком:
смята подушка, заколка забыта,
стул опрокинут, вино не допито.
Пусть за стеною история реет —
он башмаки для возлюбленной греет!
Он — наркоман. Он на воздухе сдохнет.
Запах любимой! Вдыхаемый! Слов нет!
Смог золотистый, что ночь намешала,
не исчезай из воздушного шара!
Кинется он свой музей конопатить:
мол, проживу, пока запаха хватит!

И вечерами подолгу-подолгу
за акваланг принимает заколку.
Годы пройдут. И запахнет металлом
эта заколочка в домике старом.
И воробьями слетятся на слухи
в серых нахмуренных шалях старухи.
Ты приходи на открытье музея.
И не печалься. Ведь время слабее.
Смята подушка. Заколка забыта.
Стул опрокинут. Вино не допито.

РАСКАЯНИЕ В ЧАРОДЕЙСТВЕ

Я нарушил твой чувственный код:
начиная с крестца – пузырьком –
до дремучих подмышек, потом
от подмышек до паха – свой пот
я собрал. И жемчужную слизь
опрокинул в шипящий бокал...
И, лишь гости твои разошлись,
пей, голуба, с усмешкой сказал.

Ты не слушай речей колдуна,
что трясёт над столом колтуном.
Ты не пей с ним, голуба, вина –
будешь вечно стоять за вином.
Как собаку пропавший приплод,
Поведёт через запахов резь
виноградный, раздавленный пот,
тот, в каком просыпаюсь я весь.

Мастер знает, на что он идёт,
круговой разрывая запрет:
он затем и нарушил твой код,
что его самого не спасёт
крестный ход и движение планет.
Но за то, что он смел заступить
за предел первородных причин,
не его станут судьи судить,
а его – лишь Всевышний один.

ЖЕНЩИНА НА ПЕЧКЕ

Мне глянулась не женщина, а печка,
в которой бьётся пламени сердечко,
а женщина у печки кочергою
тому сердечку не даёт покою.
Она живёт на улице Подгорной,
и я, Подгорной улице покорный,
люблю молчать у печки – под горою
и взглядывать на женщину порою.
Увы, как печка, женщина не греет
и, может быть, об этом сожалеет.
Так печь вмещает душу человечью,
так женщина была когда-то печью.
Захочешь растопить, а не растопишь:
в глазах зелёных сам себя утопишь.
И станет воздаянием осечки
местечко, отведённое у печки!
Но ежели на печке, как Емеля,
из-под горы я выберусь, хмелея
от женщины, от дыма над трубою,
и так открытой вьюшкою завою,

что на стороны – все её «тойоты»,
за город увозящие («Споёте?»),
и следом за «тойотами» - столетья,
какие не смогу преодолеть я,
а женщина... не печкой ли уж правит?
Меня забудет – печку не оставит.

Александр БЛОК
(1880)

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот - дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел - твой свист замогильный...
Чу! опять - бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я - не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце - острый французский каблук!

Валерий БРЮСОВ
(1873)

* * *

Когда ты сядешь на горшок,
Мечты моей царица,

Я жажду быть у милых ног,
Чтоб верить и молиться.

И после к мокрым волосам
Я прижимаю губы,
И кислый вкус, и все, что «там»,
Моим лобзаньям любы.

И ищет, ищет мой язык,
Как раздражить желанья
Той, к чьим устам я весь приник,
Чьи знаю содроганья.

И ты дрожишь, и вот, и вот
Твои колени жмутся,
И – чувствую! – в мой влажный рот
Иные капли льются.

Марина БОРОДИЦКАЯ
(1953)

* * *

Я картошка, дожившая до весны.
Нет во мне былой белизны.
А кругом молодняк – розовеют, крепки,
Показывают пупки.

Я на ощупь мягка,
Шкурка мне велика,
Но хозяйина не подведу:
Я пустила два сильных, два сочных ростка
И готова лечь в борозду.

Алексей ВАСИЛЬЕВ
(1933)

* * *

Любовь, сперва она,
Как вспыхнувшая спичка,
Слепит зрачок, привыкший к темноте.
Потом она становится привычкой.
И губы те, уже совсем не те.

О женщина! Отбросив покрывало,
Таинственной останься до конца.
Когда души и тела вечно мало,
Тогда иконы пишутся с лица.

Павел ВАСИЛЬЕВ
(1910)

ЛЮБОВЬ НА КУНЦЕВСКОЙ ДАЧЕ

Сначала поезда, как бы во сне,
Катились, отдаваясь длинным, гулким —
Стовёрстым эхом.

О свиданье, дне —
Заранее известно было мне,
Мы совершали дачные прогулки,
Едва догадываясь о весне.
Весна же просто нежилась пока
В твоих глазах.

В твоих глазах зелёных
Мелькали ветви, небо, облака —
Мы ехали в трясущихся вагонах.
Так мир перемещался на оси
Своей согласно общему движенью
У всех перед глазами.

Колеси,
кровь бешеная, бей же без стеснения
В ладони нам, в сухой фанер виска.
Не трогая ничем, не замечая
Раздумья, милицейского свистка —
Твой скрытый бег, как целый мир, случаен...
И разговор случаен... И к ответу
Притянут в нём весь круг твоих забот,
И этот день, и пара рваных бот,
И даже я — всё это канет в Лету.
Так я смеюсь. И вот уж, наконец,
Разлучены мы с целым страшным веком, —
Тому свидетель ноющий слепец
С горошиной под заведенным веком.
Ведь он хитрил всегда. И даже здесь
В моих стихах. Морщинистым и старым
Он два столетия шлялся по базарам —
И руку протянул нам...

— Инга, есть
Немного мелочи. Отдай ему её, —
Ведь я тебя приобретал без сдачи.
Клянусь я всем, что видит он с моё.

.....
И тормоза... И кунцевские дачи.
Вот отступленье: ясно вижу я,
Пока весна, пока земля потела,
Ты счастье двух мелких буржуа,
Республика, ей-богу, проглядела.
И мудрено ль, что вижу я сквозь дым
Теперь одни лишь возгласы и лица.
Республика, ты разрешила им
Сплетать ладони, плакать и плодиться.
Ты радоваться разрешила. Ах!
А если нет? Подумаешь — обида!
Мы погрешим, покудова монах
Ещё нам индальгенции не выдал.

Но ты... не понимаешь слов, ты вся,
До пёрышка, падений жаждешь снова
И, глазом недоверчиво кося,
С себя старьё снимаешь и обновы.
Но комнатка. Но комнатка! Сам бог
Её, наверно, вымерял аршином —
Она, как я к тебе привыкнуть смог,
Привыкла к поздравленьям матершинным.
Се вызов совершенству всех Европ —
Наполовину в тишину влюблённый,
Наполовину негодующий... А клоп
Застынувший, как поп перед иконой!
А зеркальце разбитое — звездой.
А фартучек, который не дошила...
А вся сама ты излучаешь зной...

.....
Повёртываюсь. Я тебя не знал
До этих пор. Обрызганная смехом,
Просторная, как счастье, — белизна,
Меж бёдер отороченная мехом.
Лебяжьей шеей выгнута рука,
И алый след от скинутых подвязок...

Ты тяжела, как золото, легка,
Как лёгкий пух полузабытых сказок.
Исчезло всё. И только двое нас.
По хребтовине холодок, но ранний,
И я тебя, нацеливаясь, враз
Охватываю вдруг по-обезьяньи.
Жеманница! Ты туфель не сняла.
Как высоки они! Как высоко взлетели!
Нет ничего. Нет берега и цели.
Лишь радостные хриплые тела
По безразличной мечутся постели.
Пускай узнает старая кровать
Двух счастлиих вес. Пусть принимает милость
Таить, молчать и до поры скрывать,
Ведь этому она не разучилась.

Ага, кричишь! Я научу забыть,
Идти, бежать, перегонять и мчаться,
Ты не имеешь права равной быть,
Но ты имеешь право задыхаться.
Ты падаешь. Ты стынешь. Падай, стынь,
Для нас, для окаянных, обречённых.
Да здравствуют наездники пустынь,
Взнуздавшие коней неукрощённых!
Да здравствует!.. Ещё, ещё... И бред
Раздвинутый, как эти бедра... Мимо
Пусть волны хлещут, пусть погаснет свет
В багровых клочьях скрученного дыма,
Пусть слышишь ты.

.....
Как рассветало рано.
Тринадцатое? Значит, быть беде!
И мы в плену пустяшного обмана,
Переплелись, не разберёшь — кто где...
— Плутовка. Драгоценная. Позор.
Как не крути, — ты выглядишь по-курьи. —
Целуемся. И вот вам разговор.
Лежим и, переругиваясь, курим.

БОРИС ВИКТОРОВ
(1947)

* * *

Зверовек прикроет лицо руками,
виноград и хлеб превратятся в камни,

и тогда покинутая блудница
обернётся, встанет с колен, приснится

часовому, скажет: «Укрой шинелью!»,
просвистит, вернётся в ночи метелью,

сновиденьем давним вернётся в зону
в оперенье славном — не по сезону...

Синей аурой меж твоих лопаток
вспыхнет свет, как свиданье, краток,

затоскует сердце по небосводу,
разорвётся в клочья, познав свободу,

словно птица, бьющаяся меж рёбер,
и блудница скажет: «Спасибо, ё...»

МАША

В палисаднике на траве
представительствуют бичи
в телогрейках и галифе,
охмуряют шалав, молчи.

Всё же слышится посреди
блядословия и вранья:
- Маша, Маша, не уходи
от меня...

Приамурский закат навис
ликом огненным над рекой.
- Маша, сука, остановись! -
Доигрались. Вокруг конвой.

Лжесвидетельствует в суде
злоумышленница-любовь
в том краю незабвенном, где
стынут реки, как в жилах кровь.

Юрий ВЛОДОВ
(1932)

* * *

Магдалина – что муза Христа:
Светом пенится рыжая грива,
И парча золотого хвоста
Волочится игриво...

Магдалина бела и смугла –
Голубица наива и блуда, –
Но, как ястреб, следит из угла
Воспалённый Иуда!..

* * *

Как любила Христа Магдалина! -
Извивалась под грязным плащом,
Улыбалась похабно и длинно
И толкала Иуду плечом.

А пустыня в предчувствии чуда
Обмирала и куталась в хмарь...
Как любил Магдалину Иуда!..
Как ласкал Магдалину Иуда,
Как терзал неподкупную тварь!

* * *

Магдалина – у Христовых ног,
От деревьев – тени-исполины,
На челе Христа – живой венки,
Собранный руками Магдалины.

– Милый, мне Иуда надоел!
Он похож на сонную тетерю.
Как он чавкал! Как он грязно ел!
Опозорил тайную вечерю.

...Сонно плещет мутная вода.
Небеса струятся в никуда...

Чу! Иуда – у любимых ног,

Над Иудой – лепет Магдалины:
Заплетает праздничный венок
Из кроваво-жёлтой одалины.

– Милый, мне Учитель надоел!
На меня прицыкнул, как на кошку,
На тебя прикрикнул, не доел –
Уронил священную лепёшку!..

...Сонно плещет мутная река.
Небеса струятся и века.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ
(1933)

ОСЕНЬ

С. Щипачеву

Утиных крыльев переплеск.
И на тропинках заповедных
последних паутинок блеск,
последних спиц велосипедных.

И ты примеру их последуй,
стучись проститься в дом последний.
В том доме женщина живет
и мужа к ужину не ждет.

Она откинет мне щеколду,
к тужурке припадет щекою,
она, смеясь, протянет рот.
И вдруг, погаснув, все поймет –
поймет осенний зов полей,
полет семян, распад семей...

Озябшая и молодая,
она подумает о том,
что яблонька и та – с плодами,
буренушка и та – с телком.

Что бродит жизнь в дубовых дуплах,
в полях, в домах, в лесах продутых,
им – колоситься, токовать.
Ей – голосить и тосковать.

Как эти губы жарко шепчут:
"Зачем мне руки, груди, плечи?
К чему мне жить и печь топить
и на работу выходить?"

Ее я за плечи возьму –
я сам не знаю, что к чему...

А за окошком в юном инее
лежат поля из алюминия.
По ним – черны, по ним – седы,
до железнодорожной линии
Протянутся мои следы.

ПЕТРАРКА

Не придумано истинней мига,
Чем раскрытые наугад,

Недочитанные, как книга,
Разметавшись, любовники спят.

ВОЛКОВ

* * *

Толстозада и вислогруда,
С животом, закрывающим пах,
Ты откуда припрыгала, чудо,
На кривых волосатых ногах?
Харя жиром и потом лоснится,
Бородавка над верхней губой ...
Мне такое с похмелья не снится,
А вот тут наяву ... Боже мой!
Это ж надо случиться такому!
Видно чуть перебрал ... Ну дела!
Хорошо, хоть добрался до дому ...
Сам дошел или ты довела?
Ты еще и заика к тому же?
Вот сюрприз приготовила жизнь!
Ну да хрен с ним, бывает и хуже.
Свет вон там, погаси и ложись.

Владимир ВЫСОЦКИЙ
(1938)

* * *

Сегодня я с большой охотой
Распоряжусь своей субботой,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я.

- Пстой, чуда! Она ж наводчица!
Зачем? - Да так! Уж очень хочется!
- Пстой, чуда! У нас компания,
Пойдем в кабак, зальем желание.

- Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне до лампочки,
Сегодня Нинка соглашается,
Сегодня жизнь моя решается.

- Ну, и дела же с этой Нинкою,
Она жила со всей Ордынкою,
И с нею спать - ну кто захочет сам?
- А мне плевать, мне очень хочется.

Сказала - любит. Все, заматано.
- Отвечу рупь за сто, что врет она,
Она ж того, ко всем ведь просится...
- А мне-то что, мне очень хочется.

- Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета, как уборщица...
- Плевать на это - очень хочется.

Все говорят, что не красавица,
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что наводчица?
А мне еще сильнее хочется.

Екатерина ГОРБОВСКАЯ
(1961)

* * *

Мечется баба меж двух мужиков
Умная баба - меж двух дураков.
Первый - законный,
Второй - ненаглядный -
Ложь телефонов
И слежка в парадном,

Лица соседей
И взгляды детей...
Сколько в газете
Проблемных статей! -
Их не читая, уж много веков -
Мечется баба меж двух мужиков.

* * *

Я всё поймать хотела взгляд,
А он скользил за вырез блузки.
Вы мне сказали: «Я там рад...» –
А так не говорят по-русски,
И не касаются рукой
Чужих, ненужных Вам коленок...
И что за взгляд у Вас такой –
Вам как – из горла иль из вены?
...Когда б мы не были «на вы»,
Вам не сносить бы головы.

* * *

Вы зачем–то куда–то пропали.
Я зачем–то сошла с ума:
Я всем вру, что вы мне прислали
В прошлом месяце два письма... –

Это трудно сказать словами –
Позовите меня – я с вами
На край света пойду, – а там уж
Вы возьмите меня замуж.

* * *

Мне кошка вслед кричала: «Дура!»
И пыль слетала с абажура,
Когда я хлопала дверьми:
Ты этого хотел? – Возьми!
Меня крутило и вело,
И я искала помело –
Нашла. Слетала. Помогло –
И отошло, и отлегло...

И нам ли, милый, быть в печали –
Цветы и ужин со свечами...
Хотелось жить, хотелось петь,
Хотелось лечь и умереть.
И слёзы капали в вино.
А свечи гасли. И темно...

Соседка знает за стеной,
Что мы живём как муж с женой.

* * *

Мы вряд ли будем целоваться,
Когда мы будем расставаться.

Скорей всего, мы гнусным тоном
Заговорим об отвлеченном -

О том, что отпуск пролетел,
О том, что юг осточертел,
О том, что дома ждут дела...
Как жаль, что я с тобой спала.

Глеб ГОРБОВСКИЙ
(1931)

* * *

Курьерский поезд(были деньги)
схватил меня, умчал меня.
Пугливо жались деревеньки,
голов солому наклоня.
...И подошли ко мне в вагоне
полужнакомые глаза.
Летели мы, как от погони,
все глубже в звонкие леса.
Разговорились. Пели песни.
Вели ритмическую речь.
И я решал,
что будет, если
коснуться
беспризорных плеч?
Но главное — то был курьерский!
Сплошная скорость,
бег сквозь век...
Прекрасно это ли мерзко, —
ко мне прижался человек.
...И этой скорости я — пленник.
За окнами — галоп столбов.
...Курьерский поезд поколенья,
сто километров в час —
любовь!

Ирина ГОРЕЛОВА
(1977)

* * *

Этот мужчина – нож.
Любить его – постоянно резаться.
Я и так из рубцовой ткани сплошь,
но меня притягивает
лезвие.

И каждую секунду можно уйти,
Но каждую вечность
стоит
остаться...

Разве это дорого – чувство силы и слабости
ценою переполосованных губ
и пальцев?
... мы, женщины, привыкли
к виду собственной крови...

Олег ГРИГОРЬЕВ
(1943)

* * *

Девушка в кустах полуголая
Выдала странный стриптиз:
Трусы сняла через голову,
А лифчик не верхом, а вниз.

* * *

Пришёл к жене, голодный,
Пустым надулся супом
И, точно в гроб холодный,
С живым улёгся трупом.

Надежда ГРИГОРЬЕВА
(1927)

* * *

А эта женщина сказала:
– Я не какая-то с вокзала,
Я не за деньги, я за ласку, –
И отряхнула водолазку.

Как необжиты и убоги
Ее размытые черты,
Как мелко кудри завиты
Как сбились туфельки с дороги!

Она совсем не ровня мне –
Целованная кем попало,
Усталая, как на войне,
В которой только отступала.

Но что-то есть еще за нею,
Какая-то пустая малость.
Она за дверью рассмеялась.
...Я так смеяться не умею.

* * *

Волчица я с голодными боками,
С кровавыми, бездонными сосками,
Как мне сладки укусы и удары,
И копошение под этим брюхом старым!
Проходят все: народы и века!
Неумолимы струи молока.
Где Ромул?
Где Нерон? Где самый Рим?
Волчицы мы – не знаем, что творим.
Земля пуста, как лопнувшее днище,
Но хлещет молоко на пепелище.
Мне больно! Эй! Тащите кто-нибудь
Мне маленького варвара на грудь.

* * *

Мучной обсыпан пудрой,
В багровом свете печи,
Черт играет с лахудрой,
Валит на кирпичи.

Ллахудре блудить неохота
(Или только делает вид),
Сквозь рваную в клочья кофту
Тело ее горит.

Огненно ломкие кудри
Опускает на красный под.

Хочется спать лахудре,
А черт огня поддает.

Их общие бесенята
Из зева печи манят,
Прыгают голопяты, –
Не отбиться от бесенят.

Лажудра примет от беса
Из ковша то огня, то дым,
Фыркнет без интереса:
– Ладно уж, догорим.

Софья ГРИГОРЬЕВА
(1941)

* * *

Ты уходишь. То есть – я ухожу.
То есть даже, решено, уезжаю.
Но щадящую наводим между –
постепенно, не ропща, провожая.

Ну, поднес к стоянке мой чемодан.
Ну, в такси к вокзалу рядышком едем.
Из купе не вышел – что за беда.
Кто укажет, где он – миг наш последний?

И под стук колес глядишь на меня
воспаленными сухими глазами...
Кабы волю, ты б вскочил на коня
и схватил меня и крепко связал бы!

Только надо нам понять, что – конец.
Ни коня не надо ждать, ни «скорую помощь»
НЕ напишешь, НЕ приедешь ко мне,
НЕ придешь, НЕ прилетишь, НЕ напомнишь.

Полустанок. Полутоном – «Пора!»
Спрыгнешь ты. А я застыну у края.
И упорно не замечу стоп-кран:
от любви в наш век – не умирают.

Михаил ГРОЗОВСКИЙ
(1947)

* * *

Она его неистово
любила, невезучего.
Они встречались исподволь
от случая до случая.

Звонит она украдкой,
приходит с разрешения.
К столу приносит сладкое...

Такие отношения.
Такая вещь обычная:
две жизни - две нескладные.

Варенье земляничное...
Конфеты шоколадные...

* * *

Заря скучным приветом
легла на кровли крыш.
В доске кусочек света
прогрызла за ночьмышь.

Шепчу: "Вставай, Татьяна,
пожалуйста, вставай!
Того гляди, нагрянут
родители в сарай,

Как я тебя такую
от них уберегу?"
...А сам тебя целую,
целую, не могу...

И солнце лезет в щели,
и сладок наш приют.
и ты мне шепчешь еле:
"Пусть видят, пусть убьют..."

Людмила ДЕРБИНА
(1938)

РЕВНОСТЬ

Опять весна! Звериным нюхом
я вдруг почуяла апрель.
Медведь, пустым разбужен брюхом,
покинул зимнюю постель.
И вот, медведице подобно,
в лесной необжитой избе
я по-животному, утробно
тоскую глухо по тебе.
Опять мерещится касанье
твоей руки к ее плечу,
опять я губы в кровь кусаю
и, как медведица, рычу.
Так нескончаемо страданье
и так невыносима боль,
как будто рану разъедает
в нее насыпанная соль.
Как половодье приливает
к неистовым корням берез,
так горе вдруг одолевает

меня до злых бессильных слез.

О, так тебя я ненавижу
и так безудержно люблю,
что очень скоро (я предвижу)
забавный номер отколю!
Когда-нибудь в пылу азарта
взовьюсь я ведьмой из трубы
и перепутаю все карты
твоей блистательной судьбы!
Вся боль твоя в тебе заплачет,
когда рискнешь, как бы врасплох,
взглянуть в глаза мои кошачьи,
зеленые, как вешний мох!

Татьяна ДОЛГОПОЛОВА
(1970)

* * *

Любовь - это не когда тебе приносят
в дом роз пять корзин,
и ты нюхаешь.
Любовь - это когда тебе полдня говорят
про девяносто третий бензин,
а ты слушаешь...

Евгений ЕВТУШЕНКО
(1933)

* * *

А, собственно, кто ты такая,
С какою такою судьбой,
Что падаешь, водку лакая,
И, всё же, гордишься собой?

А, собственно, кто ты такая,
Когда, как последняя мразь,
Пластмассою клипсов сверкая,
Играть в самородок взялась?

А, собственно, кто ты такая,
Сомнительной славы раба,
По трусости рты затыкая
Последним, кто верит в тебя?

А, собственно, кто ты такая,
А, собственно, кто я такой,
Что вою, тебя попрекая,
К тебе прикандален тоской?

Николай ЕРЁМИН
(1943)

* * *

Опять в обычном разговоре
Ей чуждый чудится подтекст.
Опять она готова к ссоре,
Вновь, что ни слово – то протест.

А я, наивный, порываюсь
Ее душой руководить:
То в чем-то убедить пытаюсь,
То пробую разубедить...

Но что ей – все мое искусство?
В ее глазах – и глубь, и высь...
И даль – бессмысленное чувство...
И близь – бесчувственная мысль...

* * *

Над скалами взлетала пена –
И волны убегали прочь...
.....
Сладкоголосая Сирена
Мне пела о любви всю ночь...

Пока я слушал, очарован,
Счастливец – где-то там, вдали,
По воле молнии и грома
Тонули в море корабли,
В волнах и звуках гибли люди...

.....
Сирена пела, влюблена.
И я не знал, что с нами будет,
Когда закончит петь она.

Сергей ЕСЕНИН
(1895)

* * *

Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука.
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпёж!
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Или в морду хошь?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!
Пей, выдра! Пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую,
Немало вас.
Но с такой вот, как ты, со стервою

Лишь в первый раз.

Чем больше, тем звонче
То здесь, то там.
Я с собой не покончу.
Иди к чертям.

К вашей своре собачей
Пора простыть.
Дорогая... я плачу...
Прости... Прости...

Александр ЁЛТЫШЕВ
(1950)

ТАТАРКА

Из платья, словно из шатра,
и не бывает слаще мига,
когда сдаюсь я до утра
в твое пленительное иго.

И ненасытна, и чиста
грудь, не познавшая креста.

Как выдержать твои глаза?
Молчат столетия об этом.
Знать, до сих пор Темир-мурза
летит на гибель с Пересветом.

Геннадий ЖУКОВ
(1955)

* * *

А. Брунько

Как же ты всё о любви? Невозможно...
Первую бросил. Вторая ушла.
Третья от Бога была, но безбожно
водку лакала и музой была.

В братских попойках – как в братской могиле.
Девки соловые – не соловьи.
Те уж и слово такое забыли...
Как же ты, как же ты всё о любви?

Музе с похмелья икнётся печально.
Пусто на сердце и на столе.
Не вознестись. Не напиться. Кандально
звякают склянки и тянут к земле.

В девку – да в кружку – в судьбу – да в собрата –
Сослепу, будто – они... не они... -
тычешься ртом, заскоружлым от мата.
Всё о любви. О любви. О любви.

ЭТЮД С ПТИЦАМИ

Э.

Этот август! А ты – августейшая –
Сумасбродка – иным не чета.
- Королева, - твердишь, - а не гейша я!
Нищета! – говоришь. – Нищета.

Тише, братья... Сограждане, тише. Нам
не понять. Поглядите на них –
с горя кормит голодная женщина
сытых ангелов куц городских.

И гляжу я, мятежный от голода, -
в крылья кутаясь, в зябкую рвань, -
как слетаются пенные голуби
на её августейшую длань...

- Королева, - скажу ей, - измаялся.
Как служить тебе, дух мой и плоть?
Скажет: - ... шлюха я. Что ты уставился?
Поцелуй мою руку, Господь!

Михаил ЗЕНКЕВИЧ
(1886)

* * *

Видел я, как от напрягшейся крови
Яростно вскинув трясущийся пах,
Звякнув железом, заросшим в ноздрах,
Ринулся бык к приведенной корове.
Видел, как потная с пенистым крапом,
Словно хребтом переломленным вдруг
Разом осела кобыла и с храпом
Лег на нее изнемогший битюг...
Жутко, услышав кошачьи сцепленья,
Тигров представить средь лунных лучей...
Нет омерзительней совокупленья
Винтообразного хлябких свиней.
Кажется, будто горячее сало,
Сладко топясь на огне и визжа,
Просит, чтоб, чмокая сочно и ало,
В сердце запело дрожанье ножа.
Если средь ласки любовной мы сами –
Стадо свиных несвежеванных туш, –
Дай разрешенья, Господь, и с бесами
В воду лавину мясную обрушь!

Николай ИГНАТЕНКО
(1946)

* * *

Зимний вечер печален.
Ждёт меня, узнаёт.
Я сегодня отчаян.
Мне бы видеть её.

Пусть я, может, помешанный,
пусть я в пропасть лечу,
я хочу эту женщину,
как безумный хочу.

Жизнерадостно белым
рвётся свет из квартир.
Поделен на уделы,
как на клеточки, мир.

Но за ткани волокна
взгляд не может попасть,
и шатает под окнами,

словно пьяницу, страсть.

И за горло подвешенный
этой страстью, молчу:
я хочу эту женщину,
очень больно хочу.

Но стоит над пожарищем
моей жизни твой смех,
моё сердце бросающий,
раскалённое, в снег.

И убогим посмешищем
я куда-то кричу:
«Я хочу эту женщину,
словно смерти, хочу...»

* * *

Настанет время, и меня не станет.
Смешную верность больше не храня,
любимая, наплакавшись, обманет
ещё недавно жившего меня.

Я одного мучительно не знаю
и никому узнать не суждено:
боль от измены там я испытаю
или, увы, мне будет всё равно?

Ирина КАДИКОВА
(1973)

* * *

Любить на полу трамвая, стоящего в парке, – не то, что
Отдаться под звук патефона – это совсем уже ретро.
Заняться любовью в постели – на это способен каждый,
А секс на центральной площади – всего лишь вызов властям.

Любовь без партнера на кухне – это от одиночества,
А секс на троих, наверное, по-своему героичен.
Любовь при включенном свете, любовь за статьёй газетной,
С холодной в руке котлетой, с неснятыми сапогами,

Под душем в чужой квартире, в сортире фонда культуры,
В приемной мэра, но лучше – любить на полу трамвая
Любовь на полу трамвая с чужим некрасивым мужем,
С початой бутылкой водки, с тортом, в жару упревшим,

С размазанным макияжем, затерянной босоножкой,
Совсем идиотским смехом, но без единой слезы.
Любовь на полу трамвая – не задает вопросы,
Не строит бессмысленных планов, не строит планов вообще.

Люблю на полу трамвая любовь на полу трамвая.

* * *

Научи меня нежности – это все, чему я еще могу научиться.
Тяжело сознавать, но мужчина – нежнее женщины.
Тяжело сознавать, но приходится с этим мириться.
Научи меня только этому из всего, что тобою обещано.

Говори со мной так, будто я на самом деле – настоящая,
А не будто я просто так, мимоходом, попутно,
Или, потому что работа требует особого подхода к окружающим,

Просто говори, как будто я – не «как будто»,

А на самом деле. Посади меня на колени и поправь мне платье.
Заставь меня мыть руки на ночь и выбери для меня фруктовое мыло.
Отправь меня к чертям собачим, но не забудь вернуть обратно.
И накажи меня за то, что я без спроса съела варенье, а не за то, что изменила.

Выйди из комнаты и слушай, как я во сне повторяю твое дыхание.
И можешь даже уйти, если будешь уверен, что я не услышу,
И можешь поставить меня в угол, на горох, на камни,
Но будь со мной рядом, и не рядом, а – значительно ближе.

Научи меня нежности – это все, что мне нужно, чтобы не быть жестокой,
Чтоб не сражаться с призраками и не трахаться с мертвецами,
А чтобы полюбить их – себе подобных, легко и много
И жить в согласии с подлецами, вот именно – с подлецами.

Не учи меня нежности. А если не можешь – верни обратно
На полку, в библиотеку (мавзолей, гробницу). И потом, в начале
Ночи, в июле, пока зима отсутствует многократно,
Научи меня плавать в стерильной своей печали.

Борис КАМЯНОВ
(1945)

* * *

Ночная комната стонала,
Скрипела, чмокала, вздыхала.
По обе стороны от нас,
Сопя, совокуплялись пары,
Пыхтели, словно самовары,
И бился в комнате экстаз.

А в самом центре свальной страсти
Душа моя рвалась на части
От острой нежности к тебе
Такой внезапной и желанной,
Такой родной и долгожданной
В моей запутанной судьбе.

Ты, как дитя, ко мне прижалась.
Я вновь познал любовь и жалость,
Восторг и радость бытия.
Тебя целую и лаская,
Я говорил: "Моя родная!"
И повторял: "Моя, моя!"

Душой к душе в чужой квартире
В своем уединились мире,
Учились заново — любить.
И не было в сердцах печали,
И, потрясенные, шептали:
— Не может быть...
— Не может быть...

ЛЮБОВЬ

Бродит мяса кусок, в нем полфунта мозгов,
Есть печенка и сердце в том мясе.
О, роскошная баба! Прими, я готов
Утонуть в твоей сладостной массе.

Я за окорок твой пятерней подержусь

И пощупаю теплое вымя.
Образую с тобой двуединый союз,
Друг у друга не выспросив имя.

Мы сольемся с тобою, и будет хрипеть
Мое злое, голодное тело.
После – тело твое будет сыто храпеть,
Совершив немудреное дело.

Промочу я гортань двухрублевым вином,
Стану я опасаться болезни...
А гнусавая птица всю ночь за окном
Будет петь нам любовные песни.

ПЕСНЯ ЗЭКА

Хитрая придумка,
До любви жадна,
Кулакова Дунька,
Верная жена.

Эта не изменит:
Нет к другим дорог.
Эту ты измеришь
Вдоль и поперек.

Лагерную чашу
Зэки пьют до дна:
По одной на каждого —
И на всех одна.

А за дальней Волгой
В этот самый час
Женщины на воле
Ревновали нас

К этой вот придурке,
Чертовой парше -
Кулаковой Дуньке,
Любушке-душе.

Владимир КАПЕЛЬКО
(1937)

* * *

Губы взяв губами
Будто удилами
Увела меня
Будто бы коня
Молодая смелая
Увела умело
Увела не в стойло
В стойло бы не стоило б
Увела на волю
Напоила волею
На закате тусклом
Из ладони узкой
На рассвете ярком
Из ладони жаркой

КОЗЕЛ И НИМФА

– Ты красивая
 Ты гладкая
– Ты лохматый
 Бодатый
– Ух какая трава сладкая
– Ух какая трава мягкая
– Ух какая ты душистая
– Фу какой же ты вонючий
 Борода твоя пушистая
– Твои груди самолучшие
– Дай потрогать
– Ну потрогай
– Дай попробовать
– Попробуй

Покатилось по воле да по пыли
Молодое перекатиполо
Белоное
 Козлорогое
 Распотелое
 Однотелое
Любовное семя сеяло...

* * *

Приди, замучай,
Как вечер тучу

Я как лучина
Я жду огня

Я как лучина
Приди мужчина!
Сожги меня

Люби на звездах,
Веди по звездам.
Утонем в звездах –
Звеня. Звеня

И про тебя.
И про меня.

Дмитрий КЕДРИН
(1907)

ЛЮБОВЬ

Щекотка губ и холодок зубов,
Огонь, блуждающий в потемках тела,
Пот меж грудей... И это есть - любовь?
И это всё, чего ты так хотела?

Да! Страсть такая, что в глазах темно!
Но ночь минует, легкая, как птица...
А я-то думал, что любовь - вино,
Которым можно навсегда упиться!

Вадим КОВДА
(1936)

* * *

Стоит, опухшая, хмельная...
Блюёт, опёршись у перил...
Она? Нет, нет... ОНА! я знаю...
Вот та, которую любил!

В какие же забралась кущи
вот эта, мученица дна?
Подбитый глаз, чулок приспущен,
стоит, растрёпана, бледна...

И, не оправившись от шока,
я вспоминал, боясь взглянуть,
её роскошнейшую попу,
её божественную грудь...

Вокзальные мелькают лица.
Таращатся. И пот на лбу.
Она блюёт и матерится,
и злобно смотрит на толпу.

И, отвернувшись виновато,
я вспоминал свою вину:
как мы рассорились когда-то,
и я пустил её ко дну.

И как в одной из подворотен
я ей кричал: – Ты неверна!..
Как я был мелок, горд, и злобен.
Как горько плакала она...

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ

– Ну, куда ты, сраный, полупьяный?
Старый пень, что у тебя в мозгу?

– Я без этой женщины туманной,
как без сердца, выжить не могу.

– Это ты-то? Плут непостоянный!
Идиот, о чём ты говоришь?
Стал облезлой мрачной обезьяной...
До золы, до тлена прогоришь!
Безнадёжней будь и откровенней.
Выбрось всё, все узы разорви!..

– Но без этой женщины осенней
нет мне в жизни счастья и любви.
Всё пропало... Кувыркаясь, в бездну,
словно птица сбитая, лечу...
Я без этой женщины небесной
выжить не могу и не хочу.

* * *

Ты не любовь моя – моя болезнь.
Зачем ты мне? – давно уж не пойму.
Ты просто застарелая боязнь –
остаться перед смертью одному.

Проходит всё... Дожди сменяют лето.
Пройдут дожди – и выпадут снега.
А ты со мной – без всякого просвета...
А ты со мной – бессрочно на века.

Пуста ладонь – ушли меж пальцев годы...
Пуста душа... Охладевает кровь...
Но кто-то странный, очень странный кто-то
всё шепчет мне, что ты – моя любовь.

* * *

Вот и пришла потаскуха –
с длинной на палке косой...
– Смертушка, старая сука,
ты, как я понял - за мной.

Тупо заныло в яичках.
Я на неё бросил взгляд:
тощая, ножки, как спички,
мятые щёчки висят.

Глянула... Вновь обернулась...
Я обомлел, еле жив.
Вдруг она чуть улыбнулась,
пару пеньков обнажив.

Смертушка! милая стерва!
может быть, так порешим:
что ты мотаешь мне нервы?
Лучше давай полежим!

Старая спереди, сзади...
Я виноват – спору нет.
Может быть, всё же поладим?
Может, исполнишь минет?

Вся разругалась – рада.
Страсти, алчба, да грехи...
Мне умирать рановато!
Дай хоть закончу стихи...

ОДА

А сколько на неделе пятниц?
Какая чушь, белиберда!
Разнообразие дамских задниц
не утомляло никогда...

И ты, любви усталый ратник -
в сознание – блажь и кавардак.
И никакой ты не развратник -
а просто лузер и мудака.

А вы, кто правильно живёте –
так элитарны и умны...
Познали все извивы плоти –
кусты, расселины, холмы?...

И вы – родные бляди, жёны,
покуда мне хватает сил,
скажу: – Волшебней дамской жопы
Бог ничего не сотворил.

Не то, чтоб был исполнен злобы,
но скука смертная в крови...
И без атласной дамской жопы
нет воли к жизни и любви.

И в философии сакральной
задков – среди лжи и суеты -
добавки иррациональной
блеснут небесные следы.

Но как стервозны и упрямы!
Как гениальна красота!
Всегда есть козыри у дамы –
есть перси, попа и глаза...

Я принесу ей завтра розы,
залью шампанского рекой...
Есть у мужчин – один лишь козырь...
Зато затейливый какой!

Я восторгатель доли тяжкой -
загнуть сверкающие ляжки
в корсеты, легенсы, трусы
такой невиданной обтяжки
такой неведомой красы!

И всё равно они прекрасней
всех наших потаённых грёз.
Их стринги стрингеров опасней
для наших нервов и желёз.

Их задниц славных колыханье
поинтересней многих лиц...
И не божественно ль сиянье
порфириносных ягодиц?

Геннадий КОНОНОВ
(1959)

ХОДОК

Невинность не прочнее, чем колготки.
Быть чистой тускло, а соблазн блестящ,
и мир наш больше для измен и водки,
чем для любви навеки, подходящ.
Я их ласкал, и руки клал на плечи,
и каждый раз кружилась голова.
Мне чёт всегда понятней был, чем нечет,
и всем я говорил одни слова:
Когда устану от веселых сборищ
и уксус обнаружится в крови –
одним глотком допью всю эту горечь,
всю эту горечь водки и любви.
И смерть придёт, вся в облаке сирени.
Как все, кто до неё, она придёт.
И я её поставлю на колени,
чтоб кончить в улыбающийся рот.

Владимир КОРНИЛОВ
(1928)

НА КАЛЯЕВСКОЙ

Дело обреченное
С ходу начато...
Ходишь: челка – черная,
Красное – пальто.

Тротуаром талым
(Прямо хоть реви!...)
Ходишь – явный траур
По моей любви.

Страсти накаляются,
Господи, спаси...
Ночью на Каляевской
Падаешь в такси.

И летишь, ликуя,
Словно во хмелю,
В сторону любую,
Только не в мою.

Утыкаясь в бороду
Сдавленным смешком,
По ночному городу
Топаю пешком.

Но маячит четко
В памяти мужской
Пальтецо и челка,
Как любовь и скорбь.

* * *

Смотри, как изменяет,
Неистово грешит,
Как дома изнывает
И из дому спешит.

И в изморозь, и в стужу,
Как вызов, как мятеж,
Летит и вся наружу,
Прочь рвется из одежд.

Какое буйство линий!
В отваге женщина,
Как будто роща в ливне,
Вмиг преображена!

И видеть нету силы,
Как страсть кладет следы:
Ее подглазья сини,
Ее глаза смелы.

И так вот каждый вечер
В безумной правоте
Она спешит навстречу
Обиде и беде.

И вся она прекрасна,
На миг, на краткий час,
Покамест не погасла,
Пока не извелась.

Борис КОСЕНКОВ
(1934)

ВЫБОРГ

К забору голову склоня,

задрал подол движеньем смелым,
кормила девушка меня
своим чуть недозрелым телом.
В неверном свете фонарей
я помню улицы молчанье,
упругих ягодиц качанье,
ее ритмичное мычанье,
потом внезапное рычанье
и хриплый стон: «Скорей... Скорей...»

А ветер гладит по спине,
и чувства так остры и зыбки.
И, точно пальцы, шею мне
щекочут ленты бескозырки.
И вот уже доспевший пыл
приносит взрыв издалека мне...

Ах, Выборг!
Я не позабыл
твой строгий мир воды и камня,
где в годы ранние свои
я постигал в минуты счастья
науку, если не любви,
то бурной и короткой страсти.

И греют сердце до сих пор
парк «Монрепо»,
сетевязалка,
слепая ночь,
глухой забор
и бескорыстная давалка.

Нина КРАСНОВА
(1950)

* * *

Окажи мне особую честь,
Окажи высочайшую милость.
Сядь со мною. Не знаешь, где сесть?
Я же вся по тебе истомилась.

До чего ты красив и хорош
В этой импортной косоворотке.
Можешь делать со мною, что хошь, —
Я же пьяная, как от водки.

Ты скажи мне: «Люблю...» — обмани
Страстотерпицу в черном теле.
Обними ты меня, обними,
Чтобы кости мои захрустели.

* * *

Ни слова сижу от тебя не добыюсь,
С тобою без слов объясняюсь.
Обнять бы, обнять бы тебя, да боюсь
И, как пионерка, стесняюсь.

Как будто при нас надзиратель сидит
В укромной комнатке этой,
Сидит, за моим поведением следит,
Прикрывшись дырявой газетой.

И я — отчего, непонятно — дрожу,

Утупясь на коврик в оленях,
И я, как примерная дура, держу
Ручки свои на коленях.

От мужа боюсь получить ремня?
Да мужа-то я не «имаю».
Двенадцать невидимых рук у меня –
И всеми тебя обнимаю.

* * *

Мне сон приснился: мы с тобой лежим,
И нам плевать, какой в стране режим.
Не важно нам, какой в стране режим.
А важно то, что мы с тобой лежим.

Нам ключ дала терлецкая Тортила.
Мы не взлетим на воздух от тротила,
Наш не взорвется белоблочный дом,
К прудам терлецким вставший передом.

Политики, у нас своя политика.
По нашим снам из пушек не палите-ка,
Нам не мешайте более лежать
И древним способом друг друга ублажать.

* * *

Мы не встречались половину мая.
Я слышала, уже вошла сурепка.
В прихожей, туфли не снимая,
Целуемся с тобою крепко.

Железо следует ковать
Горячим, ясно с детства.
Желанье движет нас в кровать
И нам велит раздеться.

Не образумит нас холодный душ.
Жеманство нам не подобает.
Одежда с наших тел и душ
Сама собой спадает.

Мы рушим будничные режим
И, праздник плоти справив,
В обнимку потные лежим,
Себя друг с другом сплавив.

Потом из нашей знойной зоны
На кухню переходим оба
И пьем с устатку чай зеленый,
Заваренный особо.

И долго протрезветь не можем,
Как после крепкой бражки.
В наряде, на люди не гожем,
В одной твоей рубашке

Сижу простоволосая хиппачка.
Работают часы излишне честно.
И начата тобою «Солнца» пачка.
И так с тобой чудесно

Болтать про радости и беды,
Критиковать условности убогие

И о поэзии вести беседы
И о твоей науке биологии.

ВИKTOPУ АСТАФЬЕВУ
ПРИГЛАШЕНИЕ НА НОВОСЕЛЬЕ В МОСКВУ,
Написанное на открытке с самоваром,
баранками и бубликами

Приезжайте ко мне в Москву,
Разгоните свою тоску.
Я для вас постелю самобраночку,
Дам конфетку Вам и бараночку,
Буду рада уважить Вам,
Все, что пожелаете, дам.
И дырку дам от бублика,
Но чтоб не знала публика.

Елена КРЮКОВА
(1956)

ФРЕСКА С ФИГУРАМИ В ЛЮБОВНЫХ ОБЪЯТИЯХ

Вот последняя сцепка. Врубись, тело, в Дух. Дух, в тело вонзись.
Боже, страшно, обло съединение двух. Отвернися. Окстись.
Тряпки об пол летят. Сорван царский наряд. Прокурена клеть.
В чреве дома, в перинах, где зычно храпят, - военная медь
Сочетанья. Соитья. Сошествия в Ад. Рай плюнул давно
Нам в лопатки. Под тощий хребет, пьяный зад клал дерюгу, рядом.
И в последнем усилье - друг друга прожить!.. - друг друга найти!.. -
Мы запрялись, две пряди, в убийцыну нить крика: Боже, прости!
Тело голое, жалкое, нищее, - так, прощаю тебе!
Не успеешь родиться - на веках пятак, и кровь - на губе.
Тело срамное. Дух, ты парчовый, золотой. Вот щит. Вот копье.
Вот, мужчина, под тяжкой сухою пятой - кострище, жнивье:
Мягкий белый живот, где хоронят народ под песню вождя.

Ну, ударь. Ну, еще. Влейся в грудь. Влейся в рот монетой дождя.
Вот последняя сварка. Венец - Колыбель - Гроб - и Хор - и Собор.

Ииуй низвергает Иезавель в заплеванный двор.
Вот она, ночь любви. Жрут, вопят и хамят. Об камень - с копья -
Тело - вдребезги.

...Дух, оглянися назад. Вся радость твоя.

35 КВАРТИРА. ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Заходи. Умираю давно по тебе.
Мать заснула. Я свет не зажгу. Осторожней.
Отдохни. Измотался, поди-ка, в толпе -
В нашей очередной, отупелой, острожной...
Раздевайся. Сними эту робу с себя.
Хочешь есть? Я нажарила прорву картошки...
И еще - дорогого купила!.. - сома...
Не отнекивайся... Положу хоть немножко...
Ведь голодный... Жену твою - высечь плетьюми:
Что тебя держит впроголодь?.. Вон какой острый -
Как тесак, подбородок!.. Идешь меж людьми
Как какой-нибудь царь Иоанн... как там?.. Грозный...
Ешь ты, ешь... Ну а я пока сбегаю в душ.
Я сама замоталась: работа - пиявка,

Отлипает лишь с кровью!.. Эх, был бы ты муж -
Я б двужильною стала... синявка... малявка...
Что?.. Красивая?.. Ох, не смейся... Обними...
Что во мне ты нашел... Красота - где? Какая?..
Только тише, мой ластонька, мы не одни -
Мать за стенкой кряхтит... слышишь? - тяжело вздыхает...

Не спеши... Раскрываюсь - подберем цветка...
Дай я брови тугие твои поцелую,
Дай щекой оботру бисер пота с виска -
Дай и губы соленые, - напропалую...
Как рука твоя лавой горячею жжет
Все, что, болью распахнуто, - счастьем отыдет!..
О, возлюбленный, - мед и сиянье - твой рот,
И сиянья такого - никто не увидит!..

Ближе, ближе... Рука твоя - словно венец
На затылке моем... Боль растет нестерпимо...
Пусть не носим мы брачных сусальных колец -
Единенье такое лишь небом хранимо!
И когда сквозь меня просвистело копье
Ослепительной молнии, жгучей и дикой, -
Это взял ты, любимый, не тело мое -
Запрокинутый свет ослепленного лика!
Это взял ты всю горечь прощальных минут,
Задыханья свиданок в метро очумелом,
Весь слепой, золотой, винно-красный салют
Во колодезе спальни горящего тела -
Моего? - нет! - всех их, из кого сложена,
Чья краса, чья недоля меня породили,
Чьих детей разметала, убила война,
А они - ко звездам - сквозь меня уходили...
Это взял ты буранные груди холмов,
Руки рек ледяные и лона предгорий -
Это взял ты такую родную Любовь,
Что гудит одиноко на страшном просторе!

Я кричу! Дай мне выход! Идет этот крик
Над огромною, мертвою, голой землею!

...Рот зажди мне... Целуй запрокинутый лик...
Я не помню... не помню... что было со мною...

САНДАЛОВЫЕ ПАЛОЧКИ (фрагмент)

...не трактат я любовный пишу - ну, а может, его лишь!
Вся-то лирика - это любовь, как ни гни, ни крути...
А в любви - только смелость. Там нет: "приневолишь", "позволишь"...
Там я сплю у возлюбленного головой на груди.
Мы голодные... Мед - это пища старинных влюбленных.
Я сажу на железной кровати, по-восточному ноги скрестив.
Ты целуешь мне грудь. Ты рукою пронзаешь мне лоно.
Ты как будто с гравюры Дорэ - архангел могучий! - красив.
О, метель!.. - а ладонь раскаленная по животу мне - ожогом...
О, буран!.. - а язык твой - вдоль шеи, вдоль щек полетел - на ветру лепесток...
Вот мы голые, вечные. Смерть - это просто немного
Отдохнуть, - ведь наш сдвоенный путь так безмерно далек!..
Что для радости нужно двоим?.. Рассказать эту сказку
мне - под силу теперь... Тихо, тихо, не надо пока
целовать... Забываем мы, бабы, земную древнейшую ласку,
когда тлеем лампадой под куполом рук мужика!

Эта ласка – потайная. Ноги обнимут, как руки,

напряженное тело, все выгнуто, раскалено.
И - губами коснуться святилища мужеской муки.
Чтоб земля поплыла, стало перед глазами - темно...
Целовать без конца первобытную, Божию силу,
отпускать на секунду и - снова, и - снова, опять,
пока баба Безносая, та, что с косой, вразмах нас с тобой не скосила,
золотую стрелу - заревыми губами вбирать!

Все сияет: горит перламутрово-знобкая кожа,
грудь мужская вздувается парусом, искрится пот!
Что ж такого испили мы, что стал ты мне жизни дороже,
что за люй-ча бурятский, китайский, - да он нам уснуть не дает!..
"Дай мне руку". - "Держись". - "О, какой же ты жадный,
однако". -
"Да и ты". - "Я люблю тебя". - "О как тебя я люблю".

...Далеко - за железной дорогою - лает, как плачет, собака.
На груди у любимого сладко, бессмертная, сплю.

ДОМ ТЕРПИМОСТИ НА ВОСТОКЕ. СОН

Это сон. Молю, до срока Ты его не прерывай.

.....
Дом веселый на Востоке. Ночь и снег. Собачий лай.
Токио... Иокогама... Не Нанкин и не Шанхай...
В круге - с веерами - дамы. Сямисен, сильней играй.
От курильниц дым - бараньей шерстью крутится во мгле.
На столе сидит, печальный, мой ребенок на земле -
Девочка... вся голяком... на пальцах ног - глаза перстней...
Ноги скрещены - кузнечик. В окруженье пчел-огней,
Скрючив ножки, восседает, а ладони жжет ситар;
Все сильней она играет, - веселися, млад и стар!..
Ее раковина вскрыта. Розов, черен жемчуг там.
И живот ее - корыто жрущим, жаждущим устам.
Как глядит темно и кротко стрекозиным брюшком глаз.
И на шее - лишь бархотка. То владычицы приказ.

От курильниц ввысь восходит дым, лимонником вяжь.
Ты нашел меня в притоне. Так глотай со мною грязь.
Мы с тобой в последнем танце. Рвешь рубаху мне, и грудь
Тыкается - мордой зверя - в грудь твою, как в зимний путь.
Холод. Тьма. Берешь зубами ты - брусничину сосца.
Танец живота - вот пламя. Мой живот страшней лица,
Мой живот лица угрюмей. Слезы катят по нему
И стекают по волосьям в щель, во впадину, во тьму.
Вот я. Жмись. Танцуй мне ярость. Горе вытанцуй до дна.
Я терпимости царица. Я терпельница одна.
До тебя - я в стольких выла глотки раструбом глухим.
До тебя - я стольких мыла мылом черным и слепым.
На горбу худом таскала - в Иордани - по снегам...
Перед Буддою стояла - так!.. - к раздвинутым ногам
Он моим - приблизил медный, соляной, зеленый лик...
Я была девчонкой бедной. Вся душа сошла на крик.
Как-то надо было золото добывать из-под полы
Нищих туч, ветров богатых, - из карманов зимней мглы...
Вот и стала я расхожей, медной тварию земной.
Потанцуй со мной, мой Боже. Потанцуй, прошу, со мной.
Стань серебряной, дикой рыбой. Ног развилку разожму.
Втиснись - раскаленной глыбой. Влейся - кипятком - в дыму.
И - вживись, вонзайся, вбейся, - и - вбивайся, молоток,
В доски чрева, где - упейся!.. - закурись!.. - весь мир, жесток,
Похоронен!.. Так, любимый! Корчись! Жги! Втанцуй в меня -
Вглубь и втемя - навеки - мимо - танец чистого огня!

Чтоб омылась, освятилась мгла пещеры - от плевков!
Под брюшиной - закрутились сотни ярких языков!
Вверх по животу, по ребрам, по груди, все вверх и вверх -
До лица дошел твой танец! До лица, где дикий смех!
Так сцепились наши чресла! Так спаялись, что - руби!
А лицо в любви воскресло. Ты лицо мое люби.
Ты лицо мое, любимый, пей, кусай, сжигай, вбизрай,
Чтобы Божий сок незримый перехлынул через край,
Чтоб людишки задрожали, гости - деньги, рюмки!.. - дрызнь,
Чтобы мы с тобой рожали - в танце - будущую жизнь,
В древнем, бешеном и властном, Солнца слаще, звезд светлей!..

А не сможешь - жизнь напрасна.

Нож.

Убей.

Не пожалей.

Вот он, нож - в моих чернявых, густо вздетых волосах.

Вот он, танец мой кровавый, красный камень на грудях -

В доме дыма и Востока. В дыме снега. В саже тьмы.

.....
Это сон. Больше тока. Горше воли и тюрьмы.

Солью - веки - разлеплю. Соль - в узлах железных вен.

Только девочка нагая щиплет нежный сямисен,

Ноги тонкие раздвинув, кажет раковину мне,

Жемчуг жадной жизни вынув, растворив дотла в вине.

Только рот твой в рот мой входит.

Только чресла в чресла - сцепь.

...Только запах страсти бродит, будто ветер дышит в степь,

А любовь моя горячей катит солью по виску.

И в подушку плачу, плачу, плачу - сколько на веку

Суждено мне плакать.....

Светлана КУЗНЕЦОВА

(1934)

ПЕСНЯ СНЕЖНОЙ БАБЫ

Стою, и от холода руки свело.

Я знаю — и завтра не будет тепло.

Есть слово, и значит оно — Никогда.

О чем же мне петь, кроме снега и льда?

О чем же мне петь, кроме той белизны,

Которая дарит вам чистые сны?

О чем же мне петь, кроме той чистоты,

Которая с богом и с чертом на «ты»?

Недаром сама я чиста и бела.

Недаром я руки покорно свела.

* * *

И не думала об измене.

Но опять над ночью седой

Замелькали темные тени

И повеяло вдруг бедой,

Мелкой новостью, мелкой вестью,

Перепадом добра и зла,

Мелкой хитростью, мелкой лестью,

Мелким мщеньем из-за угла.

Вдруг повеяло черным лесом

И засадой черной в кустах,

Мелкой страстью и мелким бесом,

Мелким бисером на унтах;

Мелкой зыбью и мелкой дробью,
Неизбежностью перемен
И такою мелкой любовью,
Что нельзя идти на размен...

Юрий КУЗНЕЦОВ
(1941)

* * *

За дорожной случайной беседой
Иногда мы любили блеснуть
То любовной, то ратной победой,
От которой сжимается грудь.

Поддержал я высокую марку,
Старой встречи тебе не простил.
И по шумному кругу, как чарку,
Твое гордое имя пустил.

Ты возникла, подобно виденью,
Победителю верность храня.
— Десять лет я стояла за дверью,
Наконец ты окликнул меня.

Я глядел на тебя не мигая.
— Ты продрогла...— и выпить велел.
— Я дрожу оттого, что нагая,
Но такую ты видеть хотел.

— Бог с тобой! — и махнул я рукою
На неполную радость свою. —
Ты просила любви и покоя,
Но тебе я свободу даю.

Ничего не сказала на это
И мгновенно забыла меня.
И ушла по ту сторону света,
Защищаясь рукой от огня.

С той поры за случайной беседой,
Вспоминая свой пройденный путь,
Ни любовной, ни ратной победой
Я уже не пытаюсь блеснуть.

БРАЧНАЯ НОЧЬ

На окраине света и тьмы
Мы одни перед солнцем измены,
Эти стены мы взяли взаймы,
Но попались стеклянные стены.

Как на снег прошлогодней зимы,
Мы на брачное ложе присели.
Это ложе мы взяли взаймы
У давно отшумевшей метели.

Дай мне прежние ночи стряхнуть!
Я забыл, что рассвет неминуем,
Твою круглую терпкую грудь
Забирая одним поцелуем.

Не кипели на крепких устах.
Ни слова, ни кровавая пена,

Руки жадные взывают.
Ни обета, ни поста.
Безрассудно обрывают
Шепот жаркие уста.

Утром впору удивиться,
Что графинчик опустел.
Роковой отроковицей
Пахнет грешная постель.

СИРЕНЕВЫЙ ШАРФ

Не знаю, зачем прихватила сиреневый шарф
Капризная память? Не спится. Не спится. Не спится.
Глаза прикрываю и вижу холмистый ландшафт,
В котором безумным губам суждено заблудиться.
Ползти через холм и спуститься к другому холму
И дальше...Вслепую, бездумно, не зная мученья,
Блуждать и блуждать. А потом вдруг сорваться во тьму,
Но вместо испуга упасть в пустоту облегченья.
И сразу уснуть. И забыть. А была? Не была?
Бывают вопросы, которым не надо ответа.
Вот только сиреневый шарфик на крае стола.
Чуть что и шевелится, ежится, словно от ветра.

* * *

Палаточный, костерный граф,
Что не пропил, то утонуло,
Не растеряв, так проиграв...
И все равно туда тянуло,
Где даже тело сквозь белье
Предупреждающе кричало,
Что в нежном имени ее
Царит разбойничье начало.
Татьяна!
Тать!
В глухой ночи,
Где длится с жизнью наша ссора,
Как подобрала ты ключи
К моим заржавленным засовам?
Зачем заклиненную дверь
Безжалостно срывала с петель?
Ну, ворвалась... И что теперь –
Увидела золу и пепел.
Красивая! Навеселе...
И я с улыбочкою жалкой
Тянусь к слежавшейся золе
Рукой с дрожащей зажигалкой.

ЗАЗНОБА

Знаю все, моя зазноба,
И рассказ, и пересказ, –
За тобою надо в оба,
За тобою – глаз да глаз.
Слухов долго ли надергать,
Карауля у ворот.
Дорисует черный деготь,
Дорасскажет черный рот.
Над тобою роем сплетни
На любой голодный вкус.
Разгуделись мухи, слепни,
Комары и прочий гнус.

Кто-то вкрадчив, кто-то злобен.
Бабы злее мужиков.
Я и сам понять способен
Без намеков и кивков.
Рад забыть бы (да едва ли),
Помню (ты уж извини),
Как твои глаза стреляли,
Как туманились они,
Наливались колдовскою
Чернью (как тут не помочь),
Коль с русалочьей тоскою
Манят в омут, манят в ночь,
А горячего дыханья,
Этот нор, эту прыть
Ни шелками, ни мехами
Не упрятать, не укрыть.
Грудь твоя тебя же выдаст –
Вольная, как ты сама –
Что ей тряпочки на вырост?
Что ей люта́я зима?
Волновалась. Волновала.
Не желала скуку знать.
Много чувства. Толку мало
Сторожить и ревновать.
Сладким чаем напоила.
И радушна, и мила.
Приласкала, проводила,
А дверей не заперла.
Разберись в печи с обедом,
Дом проветри, пол помой...
Кто придет за мною следом?
Кто ушел передо мной?
Ни пера им всем, ни пуха.
Мне уже не до обид.
Врунья. Стерва. Потаскуха.
Но знобит, знобит, знобит.

ОДНА САТАНА

Значит, все неспроста,
Значит, так суждено,
Значит, вытащил случай счастливый билетик,
И слились, и смешались, и стали одно.
Пусть не сразу, но все-таки кончилось этим.
Если врозь — то враги,
И уже навсегда,
Как сообщники после разбойного дела.
Так срослись — даже кровь проступает — когда
Невзначай отрывается тело от тела.

Аркадий КУТИЛОВ
(1940)

* * *

В Третьяковке мальчишка взглядом женщины скован.
Удивлён и подавлен непонятной тоской...
Парень, прыгай в карету к «Неизвестной» Крамского!
Грозно ахнут копыта, и – подрамник пустой!

Кража, кража! Не кража! А любовная милость.
Долгожданная милость, из неволи побег...
Незнакомка ждала, Незнакомка томилась...
Ей был тесен, как гроб, девятнадцатый век!

РАЗВОД

Уходит любовь. Холодеет в душе.
Тускнеют слова и предметы.
На милом лице проступает уже
посмертная маска Джульетты.

Рассудок смиряет кипенье крови...
Твой взгляд – голубее кинжала...
И, может, не палец, а горло любви
кольцо обручальное сжало.

Состарил сентябрь и фигурку твою,
твои очертанья грубеют...

Похоже, что я на расстреле стою,
И НАШИ УЖЕ НЕ УСПЕЮТ.

ПОДРАНОК

После выстрела смог он собой овладеть,
он посмел улететь, очумев от испуга.
Между крыльев – дробинка, но сумел улететь...
Только ровно на жизнь приотстала подруга.

Распустились цветком два разбитых крыла,
поднялась голова в драматическом жесте...
Тонкой лапкой гребла, суетливо плыла,
всё куда-то плыла, оставаясь на месте.

Окровавленный пух понесло к камышу,
И молчат небеса, перелески и воды...
(Ты ответь мне, Ирина, я тебе же пишу, -
что случилось потом, после этой охоты?)

Был ли выстрел ещё, иль, жалея заряд,
ощипали тебя, несмотря, что живая...
И весёлый охотник – голубой бюрократ,
нежно кушал крыло, коньячком запивая...

Может, выжила ты, всем дробинкам назло,
только жизнь приняла, как стандартную милость...
И свистит по квартире расписное крыло,
забывая на миг, что летать разучилось.

Телевизор, базар, танцплощадка, завод,
петухи-женихи, разодетые жутко...).

А в заливе души всё куда-то плывёт,
всё куда-то плывёт недобитая утка...

* * *

Я люблю! через горы и годы!...
Я люблю! сквозь любые погоды!
Я люблю! сквозь погосты-кресты
сквозь туманы-дороги-мосты
Сквозь цветы восковые у морга
сквозь судьбу, что к молитвам глуха!...
Я люблю! Слеплено и гордо!
От любви перекошена морда,
от любви перехвачено горло,
от любви не хватает дыха...

Владимир ЛАВРОВ
(1951)

НА КАВКАЗЕ

а вы видели, как отдавалась Земля
этому Небу, плотному и косматому?
словно ребенок в замочную скважину я
смотрю, ужасаясь, себя покрывая матами –
совокупление голых титанов! разбросаны
бедра или материки? могу описать это разве я?
женское тело покрыто, как оспой, мужскими засосами,
под властной рукой стонут мышцы (африка? азия?...)
и белоснежная грудь – Эльбрус! два соска эрогенно
ожидают укусов похоти этой кромешной.
оргазм – это только касание сводни-Гиенны,
которая видит любовников тоже, ощеряясь в усмешке...

эротический фильм или сон? кто ответит?
падаю, нет – я лечу, вниз, на живот призывающий...

не дай Бог, чтобы все это увидели малые дети!
впрочем, не надо смотреть и вам – ответственные товарищи!

Инна ЛИСНЯНСКАЯ
(1928)

ПЕРВОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Электричество было открыто еще при Адаме и Еве:
Он входил в её лоно так плотно, как штепсель в розетку.
Как светильники быта, плоды на познания древе
Загорались их страстью, приняв золотую расцветку
Волосков напряженных, под коими синие вены
Трепетали разрядами молний. Оазис Востока
Заряжался их током соитья в тот миг, как мгновенно
Плоть взлетала в экстазе сильнее, чем душа от восторга.
Наблюдали за ними все звери, и рыбы, и птицы,
Да и Змей наблюдал, распаяя в мозгу своем похоть.
Поднося Еве яблоко, так он сумел изловчиться,
Что от света плода засверкал искусителя коготь .
От Адама был Авель. От Змея, возможно что – Каин, –
И возможно, от змиева когтя пошла на земле вся неволя.
Всё возможно, пока размышления лед не оттаян
Той эдемскою вспышкой электромагнитного поля.

Надежда ЛЬВОВА
(1891)

* * *

Будем безжалостны! Ведь мы – только женщины.
По правде сказать – больше делать нам нечего.
Одним ударом больше, одним ударом меньше...
Так красива кровь осеннего вечера.

Ведь мы – только женщины! Каждый смеет дотронуться,
В каждом взгляде – пощечины пьянящая боль...
Мы – королевы, ждущие трона,
Но убит король.

Ни слова о нем... Смежая веки,

Отдавая губы, – тайны не нарушим...
Знаешь, так забавно ударить стэком
Чью-нибудь орхидейно-раскрывшуюся душу!!

Геннадий ЛЫСЕНКО
(1942)

* * *

Мне тоже снилась сласть измены,
когда с востока в синеву
вплавлялась медь
и пахло сено
уже почти что наяву
такой сомнительною смесью
весенних дней,
осенних дней,
что одинаково –
хоть смейся
над женщиной,
хоть слезы лей.

* * *

Когда мир создан для двоих,
А остальные все снаружи,
Когда касанье рук твоих,
Волнуя,
Голову мне кружит, –
Такая музыка в крови,
Точно живу во время оно,
Где беззаконие любви
Еще замена всех законов.

Сергей МАРКОВ
(1906)

* * *

Замыслив, как убийство, обладанье,
Я злой мечте противиться не мог
И в Улице, незнающей названья,
Нетерпеливо обрывал звонок.

В прихожей темень... Спинки старых кресел,
Покой, рожденный одиноким сном,
Я все учел, предугадал и взвесил
Холодным и расчетливым умом.

Завязли шторы в зарослях туманов,
Загрохотал откинутый засов,
И в тихий сон кроватей и диванов
Ворвался бой невидимых часов.

И наступило вдруг оцепененье,
И ты, белея, подошла ко мне,
И вековечный холод преступленья
Прошел мгновенно по моей спине.

Как будто мир как рухнувшее зданье
Иль ураган, ломающий тростник,
И я – убийца с хриплой гортанью,
И слышу жертвы пересохший крик.

Приснится разве? Сон жесток и долог,

А вот пока спрошу начистоту:
Укажешь ли, премудрый криминолог,
Всех, перешедших смутную черту?

Дмитрий МУРЗИН
(1971)

* * *

то ли привычное "спи", то ли злое "отстань".
в липком пространстве нащупывать пальцами грань,
ту, за какую ступить, за которой остаться.
так ли умела рука, что лепила сюжет?
так ли подвешен язык, чтоб сказать своё "нет"?
хватит ли путеводителя выйти из транса?

так ли заточен аналог пера - карандаш
и обоюдо-не-остр пресловутый палаш?
головы целы. на шее следы поцелуя.
словно бутылка вина быстро кончилась ночь,
я ухожу в никуда, в направлении: прочь
ты остаёшься - так не поминай меня всуе.

не поминай меня лихом. и не поминай.
и не жалей ни о чём. и не плачь-не рыдай.
кончился рай. я объелся запретного плода.
или с усмешкой: запретное яблоко съев
так и не понял, что взять с этих маленьких ев,
кроме нехитрого дела продления рода.

Владимир НАБОКОВ
(1899)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В листве березовой, осиновой,
в конце аллеи у мостка,
вдруг падал свет от платья синего,
от василькового венка.
Твой образ, легкий и блистающий,
как на ладони я держу
и бабочкой не улетающей
благоговейно дорожу.
И много лет прошло, и счастливо
я прожил без тебя, а все ж
порой я думаю опасно:
жива ли ты и где живешь.
Но если встретиться нежданная
судьба заставила бы нас,
меня бы, как уродство странное,
твой образ нынешний потряс.
Обиды нет неизъяснимее:
ты чуждой жизнью обросла.
Ни платья синего, ни имени
ты для меня не сберегла.
И все давным-давно просрочено,
и я молюсь, и ты молишь,
чтоб на утопанной обочине
мы в тусклый вечер не сошлись.

ЛИЛИТ

Я умер. Яворы и ставни
горячий теребил Эол

вдоль пыльной улицы.

Я шел,
и фавны шли, и в каждом фавне
я мнил, что Пана узнаю:
"Добро, я, кажется, в раю".

От солнца заслонясь, сверкая
подмышкой рыжею, в дверях
вдруг встала девочка нагая
с речною лилией в кудрях,
стройна, как женщина, и нежно
цвели сосцы - и вспомнил я
весну земного бытия,
когда из-за ольхи прибрежной
я близко-близко видеть мог,
как дочка мельника меньшая
шла из воды, вся золотая,
с бородкой мокрой между ног.

И вот теперь, в том самом фраке,
в котором был вчера убит,
с усмешкой хищною гуляки
я подошел к моей Лилит.
Через плечо зеленым глазом
она взглянула - и на мне
одежды вспыхнули и разом
испепелились.

В глубине
был греческий диван мохнатый,
вино на столике, гранаты,
и в вольной росписи стена.
Двумя холодными перстами
по-детски взяв меня за пламя:
"Сюда",- промолвила она.
Без принужденья, без усилья,
лишь с медленностью озорной,
она раздвинула, как крылья,
свои коленки предо мной.
И обольстителен и весел
был запрокинувшийся лик,
и яростным ударом чресел
я в незабытую проник.
Змея в змее, сосуд в сосуде,
к ней пригнанный, я в ней скользил,
уже восторг в растущем зуде
неописуемый сквозил,-
как вдруг она легко рванулась,
отпрянула и, ноги сжав,
вуаль какую-то подняв,
в нее по бедра завернулась,
и, полон сил, на полпути
к блаженству, я ни с чем остался
и ринулся и зашатался
от ветра странного. "Впусти",-
я крикнул, с ужасом заметя,
что вновь на улице стою
и мерзко блеющие дети
глядят на булаву мою.
"Впусти",- и козлоногий, рыжий
народ все множился. "Впусти же,
иначе я с ума сойду!"
Молчала дверь. И перед всеми
мучительно я пролил семя
и понял вдруг, что я в аду.

Владимир НАРБУТ
(1888)

НОЧЬ

К полуночи куда прилежней –
Перепелиный перебой,
Шмыганье нежитей и лежней
Сквозь полумесяц голубой:
Бутонами обвисла роза,
И каждый лепесток – губа!
И в кочке теплого навоза –
Жука домашняя судьба.
А ты раскинулась на ложе –
Ненасытимая любовь!
И росное чело тревожит
Пером отброшенная бровь.
По волосам, густым, как деготь,
Стекает, вздрагивая, лень –
На грудь, на виноградный ноготь,
На чаши лунные колен.
Под вычерпнутой с детства ямкой
Пылающего рта разрез...
За белою, за сонной самкой,
Самец, гонись в трущобный лес!
И, не натягивая лука,
Под куст добычу волоки,
Чтоб мутная, хмельная мука
Четыре выжала руки.

Тая НЕМОВА
(1948)

ВСЛЕД

Ну и ладно, хорошо,
Не всплакну ни разу,
Хорошо, что ты ушел,
Хорошо, что сразу.

Я запру плотнее дверь,
Дам себе напиться.
Хорошо, что я теперь
Вольная, как птица.

Нет причин варить обед,
Покупать обновки...
Хорошо, что дома нет
Мыла и веревки.

Наталья НИКУЛИНА
(1955)

РИМ/МИР

по утрам стонут голуби любовно.
вечерами фонтаны бьют в пах.
день наполнен волчьим молоком с кровью
на семи холмах ветра жаркий взмах.

по утрам соседка вешает платье,

и ползёт оно к моему сроку.
колизею снится последнее распятые.
обжигает солнце правую щёку.
я подставлю ему другую -
спи с кем хочешь, я не ревную.

по утрам пылает венки минервы,
призывая рим вспомнить богов своих.
мир наполнен волчьим молоком и спермой
я плыву по теченью из стиха в стих.

Ия НОСОЧЕВА
(1948)

* * *

Вынянчиваю собственное «Я».
Выклянчиваю у людей вниманья.
Жду чуткости и пониманья
Взамен своих претензий и вранья.

А рядом дети выросли травой,
И муж не может в комнату без стука,
В которой образованная сука
Поклоны бьет повинной головой.

Наталья НУТРИХИНА
(1948)

* * *

Потом ты встретишься с другой
(Не знать того бы дня!)
И назовёшь её женой,
Как будто нет меня.

Она красива и добра,
Она тебе верна,
А я из твоего ребра
Была сотворена.

У вас свой дом, паркет блестит,
И зеркала, и бра,
Но как в груди твоей болит
Отсутствие ребра!

* * *

Любимый мой ведет меня на смерть.
Мне несколько шагов прожить осталось,
И я еще пытаюсь рассмотреть
Его лицо – вдруг в нем возникнет жалость.

Но ощущение времени остро,
И острием сужается пространство.
Любимый мой ведет меня к метро,
И там, у входа, мы должны расстаться.

На теплом эскалаторном ветру,
В толпе, в метро на площади Восстанья
Мне каждый раз казалось, что умру,
Как только мне он скажет:
– До свиданья.

Георгий ОБОЛДУЕВ

(1898)

Она живет на доходы мужа.
Обед посвистывает на примусе.
Повечерело настолько, что ужас
Проступает на ней без примеси:

Вот-вот небрежно и резко
Навернется так называемый деспот
И, вздуваясь, как нетрезвое тесто,
Зачнет ежедневное побрезгиванье;

Но есть любовник молодой.
Завтра проводит с рынка.
Ощипет как курицу. Холодком
Потрагивается женская спинка.

РОМАНС

Ты хочешь наврать. Ты не можешь вместиться
В отвислую наглость, когда
Заломленных звуков срамное бесстыдство
Вступает в остатки стыда.
Вплотную приникнув, лукавое горло
Наполнено песней седой,
По женскому телу невнятно и гордо
Шевелит глубокой водой.
С усмешки, от шеи стекает похабно
Дебелая дрожь до грудей,
Где в дроби сосков, отвращеньем озябнув,
Все низится, низится... где...
Ты знаешь биенье. Мелодия скрытно
Струится с туземных руин.
О чем ты тоскуешь? Условия ритма
Разнюханы счастьем твоим.
Убитые руки цыганского пенья
Погибнут в глуши без нее,
Без запаха, голоса, пепельной тенью,
Как бедное сердце мое.

Вера ПАВЛОВА
(1963)

* * *

Больше жизни люблю того,
С которым жизнь не делю.
Меньше жизни люблю того,
Кого вообще не люблю.
А того, с которым делю
Остаток ночей и дней,
Люблю, как жизнь,
Как сестра люблю.
А может, еще нежней.

* * *

такой родной, что соитие
стало бы кровосмешением,
стало бы кровопролитием,
стало бы кораблекрушением,
робинзоной, проклятьем,
алкоголизмом, скандалом,

ношенным свадебным платьем,
а утешеньем не стало.

Анна ПАВЛОВСКАЯ
(1977)

* * *

Эта девушка больна,
Эта девушка пьяна.
Папа умер, муж в тюрьме,
Помолитесь обо мне:
У меня остался сын,
Слава богу, что один...

* * *

Господа и дамы, се ля ви!
Пацаны, девчонки, дядьки, тетки!...
«Я хочу с тобою выпить водки»,—
Лучше объяснения в любви.

Нараспашку, всем открыт ветрам,
Хулиган с античными глазами,
Изъясняясь матом и стихами,
Предлагает ехать в ресторан.

У него во лжи завяз язык,
А во взгляде ненависть к легавым,
Он еще не влево и не вправо
На свободе мыслить не привык.

Но от воли бледен он и пьян,
Он идет разболтанной походкой...
— Я хочу с тобою выпить водки! —
Говорит с надсадой хулиган.

И горят над общей суетой
Синие неоновые всплески,
А из уст, как тающие фрески,
Зимний пар, про счастье и покой...

Николай ПАНЧЕНКО
(1924)

* * *

Тебя нельзя любить!
Я это понял скоро.
Тебе легко грубить
И глупо возражать.
Тебя держать, как покоренный город:
То в страхе, то подачками
держать!
Чужая ты!
Но как мне быть с тобою?
С такой пустой, как барабанный бой?!
И я врагам
Сдаю тебя
Без боя:
Им лучше знать, как справиться с тобой.

* * *

Нагая дева снилась мне —
восточных прелестей избыток,

но, отвернувшись, будто не
умел прочесть сей древний свиток,
я горько думал: что я мог?
Ужель опять удел поэта –
скрещенье рук, сплетенье ног
и миг пронзающего света?

Шептал я: – Женщина, зачем
во имя вспышки, не во имя?.. –
И свет слезился из очей
слезами детскими моими.

Борис ПАСТЕРНАК
(1890)

* * *

Когда рубашка врезалась подпругой
В углы локтей и без участия рук,
Она зарыла на плече у друга
Лица и плеч сведенных перепуг,

То не был стыд, ни страсть, ни страх устоев,
Но жажда тотчас и любой ценой
Побыть с своею зябкой красотой,
Как в зеркале, хотя бы миг одной.

Когда ж потом трепещущую самку
Раздел горячий ветер двух кистей,
И сердца два качнулись ямка в ямку,
И в перекрестный стук грудных костей

Вмешалось два осатанелых вала
И, задыхаясь, собственная грудь
Ей голову едва не оторвала
В стремленьи шеи любящим свернуть,

И страсть устала гривою бросаться,
И обожанья бурное русло
Измученную всадницу матраца
Уже по стрежню выпрямив несло,

По-прежнему ее, как и вначале,
Уже почти остывшую как труп,
Движенья губ каких-то восхищали
К стыду прегорько прикушенных губ.

Валерий ПРОКОШИН
(1960)

* * *

Выйти из дома, пройти мимо старой котельной,
Школы, церквушки – и дальше, такая идея.
И заблудиться – и выйти на берег кисельный,
Господи, где я?

Вечер – на вдохе – густой, словно каша из гречки,
Сотни июльских мурашек промчались по коже:
Девушка с парнем лениво выходят из речки –
Голые, Боже!

Медленный танец и ангельский звук песнопений,
Краски смешались и стали почти неземными.
Что это с ней?.. Почему он встаёт на колени?..

Что это с ними?

Мне этот мир недоступен: отравленный воздух –
Выдох: вжимаюсь всем телом в берёзу, как дятел,
И наблюдаю за тайными играми взрослых.
Я – наблюдатель.

– Кто это там, в голубом полумраке прищура
Целится взглядом безумным, как камень в полёте?
– Тише. Смотри, этот мальчик похож на Амура,
Только из плоти.

* * *

Сны размалеваны страшными красками –
Крымско-татарскими, крымско-татарскими...

Ночь пробежала волчком ошпаренным,
Ты изменяешь мне с крымским татаринком.

Горькой полынью – а что ты хотела –
Пахнет твоё обнажённое тело.

Соль на губах, на сосках, и в промежности –
Солоно... Я умираю от нежности.

Я забываю, что нас было трое,
В синей агонии Чёрное море.

Дальние волны становятся близкими,
Берег усыпан татарами крымскими.

День догорает золой золотою,
Чайки парят надувную туфтою.

Щурься, не щурься в замочные скважины –
Палехом наши оргазмы раскрашены.

Пусть я отсюда уеду со всеми,
Вот тебе, Азия, русское семя!

Смазаны йодом окрестности Крыма
В память о ревности Третьего Рима.

Владимир РАДКЕВИЧ
(1927)

СТИХИ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Я в этом доме – просто гость,
гость у своей жены.
Кипела медленная злость
под видом тишины.
Хоть ты молчи, хоть ты кричи –
ни ночи нет, ни дня.
Глядели круглые зрачки
куда-то сквозь меня.
А я прозрачным быть не мог
и даже – не хотел.
Но всё ж ложился на порог
и под ногой хрустел.
Она рядила вкривь и вкось,
всему была судья.
А ночью, как собаке кость,

бросала мне себя.
Я словно бы в тяжёлом сне,
и не поднять руки.
И всё по мне, и всё по мне
шагают каблуки.

Алексей РЕШЕТОВ
(1937)

* * *

Ослепленный твоей красотой,
Я перстами, как книгу слепой,
Твое тело читаю всю ночь,
И уснуть, оторваться невмочь.

* * *

Ты женщина, а я мужчина –
Вот первобытная причина,
Чтоб я однажды согрешил...
Ты вся светилась, как лучина,
Я жить хотел бы благочинно,
Но это было выше сил.

* * *

Я вряд ли смогу измениться,
Стать трезвым, не вязнуть во лжи
Я только хочу извиниться
За то, что испортил вам жизнь.
О нет, не сломал, но оплошно
Однажды коснулся ее.
Увы, ничего невозможно
Сказать в оправданье свое.

Борис РЫЖИЙ
(1974)

* * *

Не покидай меня, когда
горит полночная звезда,
когда на улице и в доме
всё хорошо, как никогда.
Ни для чего и ни зачем,
а просто так и между тем
оставь меня, когда мне больно,
уйди, оставь меня совсем.
Пусть опустеют небеса.
Пусть станут чёрными леса,
пусть перед сном предельно страшно
мне будет закрывать глаза.
Пусть ангел смерти, как в кино,
то яду подольёт в вино,
то жизнь мою перетасует
и крести бросит на сукно.
А ты останься в стороне —
белей черёмухой в окне
и, не дотягиваясь, смейся,
протягивая руку мне.

МАРИНА САВВИНЫХ
(1956)

ВЕТЕР

Над нами гудит юго-западный ветер,
Колеблет под окнами мокрые ветви,
И, кажется, двери сорвал бы он с петель,
Когда б не упрямили цепкие петли.
Наш дом – слава Богу! – надежная крепость,
Но высунуть нос за ворота попробуй –
Идущей весны молодая свирепость
Такой вдохновенной пропитана злобой,
Что как ни спасайся велюром и фетром,
Ни прячься в изделия, подбитые мехом,
Гляди: твоя грива наполнена ветром! –
И Кто-то заходится облачным смехом
Над бесперспективностью жалкой попытки
Уйти от причины своей подноготной,
От этой разнузданной мартовской пытки,
От неистребимой тоски приворотной!...
«Мой друг! Я слаба... Мне не надо полета.
Всю жизнь я хотела лишь прочного крова!»
Но нет милосердия к тебе у Кого-то,
И ты улетаешь ... И снова ... И снова...

Такие холода на нас – за то,
Что за полночь – часы, и на ночь - горы...
Пусть эта полночь – на гвозде пальто,
А этот кряж – задернутые шторы.

Не уходи! Мы станем вместе вниз
Глядеть и – даже! – понимать друг друга...
Пусть эта высь – обшарпанный карниз.
А эта близость – следствие недуга.

Стриптиз самонадеянных калек,
Весь яд тысячелетья – в виде снега...
Пальто с гвоздя снимает человек
И молча покидает человека.

Я с Вами хочу неземной простоты,
подобной китайскому шёлку,
где камни и ветки, вода и цветы
мерцают сквозь ткань втихомолку...

Не надо бегущие мысли ловить,
разгадывать тайну влечения:
любите, покуда хотите любить –
предмет не имеет значенья...

Наталья САННИКОВА
(1969)

* * *

Е.С.
Встанешь в восемь в чужой квартире,
распечатаешь пачку, закуришь.
Замурлычет вода в сортире.
Щелкнет лампочка в абажуре.

Первый снег выпадает мягко,
даже вкрадчиво, будто пошлость.
Во дворе завывает шавка.
Накренилась балконная плоскость.

Утро тащит свои заботы.
Поискать бы какого смысла...
Поздней осени пешеходы –
люди скрючены, точно числа.

Поискать бы... Какого черта?
Ни любви, ни огня, ни денег.
Днем, пожалуй, накормит кто-то,
ночью кто-нибудь да разденет.

То ли ветер, что нету дыма,
или дымно, что нету ветра,
то ли юность проходит мимо,
то ли сесть почитать газету.

Уходить или задержаться
на просиженном этом кресле?
Не печали же предаваться.
Не любви же искать. А если?

Может, выйти, качнув перила?
И окурок погас некстати.
Раньше как-то иначе было.
Это, видимо, показатель.

Игорь СЕВЕРЯНИН
(1887)

ГОДАМИ ДЕВОЧКА...

Годами девочка, а как уже черства,
Жестка, расчетлива, бездушна и практична.
И в неприличности до тошноты прилична,
И все в ней взвешено: и чувства и слова.
Ах, не закружится такая голова,
Затем, что чуждо ей все то, что поэтично...

Такая женщина не любит никого,
Но и ее любить, конечно, невозможно.
Толпа любовников, и нет ни одного,
О ком подумала бы нежно и тревожно...

И это – женщина, земное божество!

Елена СЕМЕНОВА
(1962)

* * *

Пустая, юная, сквозная
На пляже спишь.
Юлит июнь,
Довольный тем, что ты не знаешь
Судьбу вечернюю свою.

Ползет жучок, как на работу,
На позолоченный живот.
А над тобой хохочет кто-то,
Рукою зажимая рот.

Ему смешны твои колючки,
Твои мурашки и шипы.

Он доведет тебя до ручки,
Внушая правила борьбы,

В которой ты имеешь фору –
Свои шестнадцать...
Спи дитя.
Твои глаза целует форвард.
Проснешься – щепки полетят!

Спи, неумеха, спи, уродка –
(как это видно с высоты!..) –
в тени мужского благородства
и бесполезной доброты.

Он над тобой стоит, как знамя –
Бойцу, солдатику – держись!
Спи.
Между вашими телами
Зазор величиною в жизнь.

* * *

Уловки, капканы, силки, мышеловки и сети.
Авось, заглядится, оступится и не заметит.
Авось, не развяжет, не вырвется, просто устанет...
И есть ли на свете подлее и слаще желанья?

И есть ли на свете мудрее, позорней охота?
Как не было гонки жесточе – до хрипа, до рвоты.
Но вот добиваешься – твой. Покорен и доволен.
Доволен тобою, судьбою, изменой, неволей.

Он дичью не пахнет. В нем гаснет и голод и гонор.
А мышцы твои уже требуют нового гона.
И требует боли душа, и усталости – тело.
Взгляни на него, ужасайся – такого хотела?

И снова: капканы и ямы, силки, мышеловки –
бессонным, бессменным, бессмертным, беспомощным ловчим.
А где-то вдали, за горами, обходит угоды
невстреченный твой и неожиданный жестокий охотник...

* * *

Апрель набухает,
Сочится земля,
Спасаясь от смерти зачатием
В замужней матроне
Проказница-блядь
Скулит за седьмою печатью.

Закинь, прости господи,
Рот на крючок –
Авось не заметят злодейства.
Ну, разве что вспыхнет
Кошачий зрачок
В тени от святого семейства.

Ну, разве, что мужу достанется впрок
Истерикой больше –
А толку?
Весна преподносит обычный урок
Любви, воскрешенья –
И только.

От мухи до мамонта
Всякая тварь
Подвержена мору и сглазу.
Ты бродишь по дому,
Терзаешь словарь,
Слепа и безумна, как Лазарь.

Тоски не унять,
Не заснуть, не вильнуть,
И нету надежнее действия,
Чем землю засеять
И брюхо заткнуть
Горячим и сонным младенцем.

К учению глухо
И брюхо, и лоб,
Распертый бесплодной тоскою.
Упрись лобовою атакой в стекло
Над крышами,
Снегом,
Рекою.

Гляди, рефлексируй –
(Все тот же урок!) –
прикинь перспективу паденья.
Апрель нарывает
И вскроется в срок
Без помощи и принужденья.

* * *

Светлая женщина с черной кровью,
Липкой, как сажа, густой, как мед.
Марево крыльев ее махровых
Не вознесет, а к земле пригнет.
Женщину эту томит кручина —
Ей никогда не бывать одной,
К ней на земле ни один мужчина
Не поворачивался спиной.
Ей никогда не изведать боли
Собственной, только чужую боль.
Ей суждено загонять в неволю,
Сманивать светом в свою юдоль.
Ей суждено убивать любовью.
Не потому ли который год
Светлая женщина с черной кровью
Ищет того, кто ее убьет.

Екатерина СИМОНОВА
(1977)

* * *

Форма контакта предполагает шантаж –
Не передашь биллиардного стука шаров,
Т.е. твоих гипертекстов – как эпатаж –
Темных, как «хочешь меня?» Этих диких дворов
Не обогнешь несопливо: вспыхнут во тьме
Пара жестянок от пива, разбитое сердце и ВОИД.
Выдумать смех, по-другому спрягая в уме
Или во сне, в общем, по херу, твой немужской генофонд:
Выверт ресниц и злые ромашки в пупке.
Я не коснусь тебя. Тише, я просто нажму на курок,
Не называя единственной, грея ладонь на лобке,
Крепко в припухших губах закусив волосок.

Сергей СЛЕПУХИН
(1961)

* * *

на безымянной высоте
где мы невольно оказались
нет мы друг друга не касались
но жарились и извивались
как угри на сковороде
слов отлетевшая листва
напрасно шлепалась под ноги
но изнутри меня едва
не разорвали бандерлоги
желанье смять тебя в руках
упырно высосать упорно
всю робость девичью и страх
чтоб мне всю ночь была покорна
но я телился и мычал
то зажигался то молчал
то битый час тянул резину
патруль мигалкою сверкнул
электровоз во тьме икнул
и месяц осветил дрезину
но вот закончились слова
и отвинтилась голова
и неожиданно упала
мой поцелуй был смел и груб
я в темноту раскрытых губ
вонзил пылающее жало
когда утих призывный гул
ты выдохнув сказала то-то ж
и долго сок из нас тянул
луны трехмесячный зародыш

Юрий СМИРНОВ
(1936)

* * *

Когда венецианский дож
Сказал ей: «Дашь или не дашь?» —
Она почувствовала дрожь,
Потом превозмогла мандраж.
Она тирану уступила,
Он был настойчив, как таран,
Он был вынослив, как стропила,
И ей понравился тиран.
А было время Возрожденья,
Народ был гол и необут,
Но ведь теряешь убежденья
В момент, когда тебя ебут.

Любовь СОЛОМОНОВА
(1977)

* * *

Во мне никто не ночевал,
во мне никто не жил. Горячий,
тот всемогущий и незрячий,
меня во тьме не узнавал.

А если был – то неживой,
не человек и не соперник,
и мой – не мой, и сам не свой,
душеисследователь-смертник.

Ну что же ты, веселый, встал?
Беду какую, может, чуешь?
Во мне никто не ночевал.
Ужель и ты не заночуешь?

Евгений СТЕПАНОВ
(1964)

* * *

Девушка кричит. Быть может, выпит
Чувства очумелого коньяк?
Юноша, вспотевший, как Египет,
Думает-гадает: что не так?
Что не так, совсем не так, не эдак?
Видимо, на девушку нашло.
А в любви, увы, чуть-чуть конфеток.
За всю жизнь, наверно, полкило.

Любовь СТОЛИЦА
(1884)

* * *

Средь золотого сада,
Вкруг большого дуба
Ходим мы два Лада,
Два родные Люба

Крепко так прижались
Нежными плечами
И в одно смешались
Мягкими кудрями.

Угадайте, люди,
Кто из нас двух дева?
Малы обе груди,
Круглы оба чрева.

Сами мы забыли,
Сами уж гадали,
Девушка – не ты ли?
Юноша – не я ли?

Кто стыдится больше?
Оба лика алы.
Кто целует дольше?
Ах! Обоим мало...

Средь золотого рая,
Вкруг большого древа
Ходим мы, играя,
Юноша и дева.

Голубые взгляды.
Розовые губы.
Лад не старше Лады.
Люб не краше Любы.

Алла СТРОЙЛО
(1928)

* * *

Любовники мои – полковники
над рядовой, надо мной,
и я всю жизнь у вас в штрафной,
недобрые мои любовники.
Я проклинаю эту жизнь,
я обвиняю, обвиняю...
а он командует: «Ложись!»,
и я команду выполняю.

Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ
(1952)

ОТРАЖЕНИЕ
История с географией

Я целую твоё продолжение
В покидающем город окне,
Принимая своё поражение
В необъявленной нами войне...

И, скучая в зачуханном поезде,
Прокисая в дешёвом дыму,
Три главы ненаписанной повести
Пробухчу неизвестно кому.

Вырываю твою фотографию
Из газеты на пьяном столе,
Битый час вычисляя по графику,
На какой кинофильм постарел.

И, пытая лабинского лабуха,
Кто храпит в серебристой трубе,
С некрасивой, но умною бабою
Завожу разговор о тебе.

– О Тибете? Пришельцах? Пожалуйста!
О живой или мёртвой воде...
На любовь, непутёвый, не жалуйся –
Лучше карточку дай поглядеть.

Семафор объявил торможение –
Замаячил народ у окна...
И мелькнуло твоё отражение –
И заохала баба: «Она!»

БЕСПРИЗОРНИКИ БЫТИЯ

Бюст героя и... бюст вдовы
Перевязаны буквой Ю...
Отвергая пустое «Вы»,
Сигаретку твою курю.

Я, поверь, воевал, как он.
Ну, а он воевал, как я...
Из двоих различил Харон
Беспризорника бытия.

Кровь победы и соль беды
Забинтованы словом БОЛЬ...

Чистый спирт! Молодым – воды.
Паранойя: нелепый бой...

Бюст героя – моя вина.
Перелёт! Сочинять зачем?
Перемать! Такова война...
И шарахнул огнём чечен!

Перевал. Вертолёт. Санчасть.
Задыхаясь на звуке О,
Он хватал за халат врача:
«Вологодское молоко...»

Ослепителен бюст вдовы...
Извини: я бездарно пью, –
Потому что семь лет, увы,
Безнадёжно тебя... люблю.

«За разведку?!»
Идите на...
Задрожал дремавший перрон.
Промолчала чужая жена.
Промычал старина Харон.

Лев ТАРАН
(1938)

ЕДИНСТВЕННАЯ

В доме отдыха смена кончается.
Отдыхающие прощаются.
До автобуса провожают.
И друг другу писать обещают.

Вот идет с мужчиною женщина.
Шепчет преданно: «Женечка! Женечка!»
Он в ответ глядит – не мигает.
Он нести чемодан помогает.

Наконец-то села в автобус.
Он поодаль стоит, обособясь.
Он автобусу машет рукою,
Вспоминая о даме с тоскою.

Ничего от нее не скрывал он
Потому и стал ИДЕАЛОМ.
Он смущенно улыбку прячет,
Понимая, что там она – плачет.

...Его скоро уже не будет.
И жена о нем позабудет.
И о нем позабудут дети.
Лишь одно существо на свете
В одиночестве – истомиться...

Ей, единственной, будет сниться.

ПОХОРОНЫ

Он любил одну, потом другую, потом третью, потом четвёртую...
третью из них теперь мы на столе застали мёртвую.

Я тоже её любил, но сдерживал себя, покуда

не встретился с нею и не прекратилось это чудо.

Мы встретились воровски, без слов понимая друг друга,
что я – его близкий приятель, а она – бывшая его супруга.

Мы встретились с нею два раза, а на третий я сказал осторожно:
– Я люблю тебя по-прежнему, но... встречаться нам
невозможно.

И она меня поняла тогда и с болью она меня отпустила. Была в ней какая-то особая, нечеловеческая
какая-то сила.

И вот мы у гроба её стоим вдвоём – чуть пьяны, молодцеваты.
Оба виновны перед нею, и оба перед нею не виноваты.

* * *

Муравей поднимался по стеблю,
и рябила под солнцем река...
Говорили про еблю
за бутылкою два мужика,

смаковали подробности,
хохотали они.
Но ни слова о робости
и о нежности – ни...

Эту страсть к суесловью
породила беда.
Были ранены оба любовью
на всю жизнь, навсегда.

Оба женщин случайных имели,
как их там ни зови.
Но хотели, хотели
настоящей любви.

Потому-то всё менее пылко
рассуждали о бабах они.
В воду бросив бутылку,
молча, сели в тени.

За густою завесой
жар пылал в их крови.
Дон-жуаны, повесы,
Дон-кихоты любви.

БАРАК

Что осталось в итоге
для неё? для него?
Разговоры о Боге.
А потом ничего.

Поначалу он верил,
что теперь-то, теперь...
Нежно обнял у двери,
и захлопнулась дверь.

Сука, блядь, недотрога,
одинокая мать...
Что ей нужно от Бога?
Невозможно понять.

Свято верует в чудо...
Эти слёзы в кино...
Постоял он, покуда
не погасло окно.

Сорок лет - слишком много!
Помочился на ствол.
Грязно выругал Бога.
Закурил и ушёл.

ИЗ ШКОЛЬНОГО ДНЕВНИКА

Захудалая киношка.
На ступенях чёрный лёд.
И кассирша из окошка
два билета подаёт.

Никого почти что нету.
Слава Богу! высший класс!
Всё казалось: много свету.
Всё казалось: видно нас.

Нам обоим по шестнадцать.
А на улице мороз.
Целоваться, целоваться –
обязательно в засос!

Нам показывали что-то.
Шевелился луч вверху...
Вдруг – тупая – до ломоты –
нестерпимая – в паху...

Нет, о боли не узнала –
я пошёл её смешить.
Улыбалась, хохотала,
чтобы вновь растормошить.

И оглядывались люди.
Я на вид был слишком смел.
Но дотронуться до груди
так тогда и не сумел.

* * *

Даруй мне, жизнь, успокоенье.
Уже не жду я от любви
ни божества, ни вдохновенья,
ни жара тайного в крови.

Я вспоминаю с лёгкой болью –
сквозь медленное забытьё –
сырой рассвет в туманном поле,
глаза припухшие её.

Блаженство – взгляда, жеста, слова.
Прикосновенья волшебство...
Начнись теперь всё это снова,
я б отказался от всего.

Благословил бы я угрюмство...
Да только знаю, что оно –
припадок нового безумства,
где всё опять предрешено.

Николай ТАРАСОВ
(1947)

* * *

Ни жена, ни мать, ни сватья
Так, как ты, не обоймут.
Слишком плотные объятия
До добра не доведут.

Слишком душно, слишком жарко
В мороке тугих колец.
Слишком крепкая заварка,
Слишком сладко, наконец.

То восторги, то проклятья,
Нежность замкнутая в клеть...
Слишком долгие объятия,
Чтоб обоим уцелеть.

Анна ТИМИРЕВА
(1893)

Идёт твое лето на убыль,
Давно соловьи не звенят,
Напрасно крашены губы
И волосы ярче огня.
Но эти глаза пустые
И горькая складка у рта!
Водою в песок пустыни
Ушла твоя красота.
Но всё за последние сроки
Упорно держишься ты –
За эти жалкие крохи
Былой твоей красоты...
И что меня так задело,
Так в сердце кольнуло остро?
Какое мне в сущности дело –
Случайная встреча в метро...

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ
(1933)

* * *

Шла женщина однажды по дороге –
Смотрели вниз скучающие боги,
Не знали боги, время как убить,
И женщине той заголили ноги,
И мне ее велели полюбить.
Они играли нами и шутили,
Страсть разжигали, а потом тушили.
И умер я. И в землю был зарыт,
Узнавши все, что знать мне надлежит.
А боги, сделав женщину старухой,
Играли с ней, как злые дети с мухой,
И слушали, как на стекле жужжит.

* * *

И снова рядом у кого-то,
Кто не мечтал и не хотел,
Вся жизнь из пошлых анекдотов
И нелюбимых дел и тел,

Все та же скука дождевая,
Все та же злая боль в груди
– И мертвый я, а ты живая,
Но мне приказано: – Гляди!
Как будто к креслу привязали,
Иначе б я сбежал давно,
И крутят в опустевшем зале
Для одного меня кино.
И вижу землю я и небо.
Но точно знаю – это ложь,
Нелепица, пустая небыль,
Которой слов не подберешь.
А все, что было, все, что было,
Людская речь передала
В прозрачном слове – полюбила,
В неясном слове – умерла.

ШАНСОН О ЧЕРНОЙ ИЗМЕНЕ

Тебе я снюсь в тех белых штуках,
В гробу сосновом,
И ты уже сегодня, сука,
Гуляешь с новым.
И у тебя одно лишь в мыслях –
Накрылся, Вася!
А у меня двенадцать жизней
Еще в запасе.
Не поскользнусь тебе в забаву
На склизкой корке,
Хожу двуличный и лукавый,
Как Рихард Зорге.
Но если смерть меня забреет
К себе в солдаты,
И я умру от гонореи
И от простаты.
И ты придешь с лицом монашки
В своем платочке
На гроб положишь мне ромашки
И василечки.
Я не прощу тебя, паскуду,
Убью, растрепу!
Во сне явлюсь тебе оттуда
И хватать за жопу!

Александр ТИНЯКОВ
(1886)

БУЛЬВАРНАЯ

Настала ночь. Дрожу, озябла я...
Укрыться нечем, нет угла...
Покупщика на тело дряблкое
Искала долго: – не нашла!

Лицо румянами испорчено,
От стужи голос мой осип:
И вот одна сижу, вся скорчена,
Под сеткой оголенных лип.

А – может – дело и поправится
И принесет пьянчужку черт...
О – спьяну – скажет мне:
«Красавица!

Малина-девка! Первый сорт!»

И буду водку пить горячую,
И будет молодости жаль...
Ах! льется дождь и зябко прячу я
Костяшки рук в худую шаль.

ЧЕРНЫЙ ПОДОЛ

Я шел по бульвару осенней порой
И влекся за черным подолом мечтой.

Под бархатной юбкой мелькала нога,
Душа холодела – тиха и строга.

Но в сердце вскипала страдальная страсть:
Хотелось в осеннюю слякоть упасть –

И гордость, и совесть, и ум потерять
И черный подол целовать, целовать...

В ЧУЖОМ ПОДЪЕЗДЕ

Со старой нищенкой, осипшей, полупьяной,
Мы не нашли угла. Вошли в чужой подъезд.
Остались за дверьми вечерние туманы
Да слабые огни далеких, грустных звезд.

И вдруг почуял я, как зверь добычу в чаще,
Что тело женщины вот здесь, передо мной,
И показалась мне любовь старухи слаще,
Чем песня ангела, чем блеск луны святой.

И ноги пухлые покорно обнажая,
Мегера старая прижалась к стене,
И я ласкал ее, дрожа и замирая,
В тяжелой, как кошмар, полночной тишине.

Засасывал меня разврат больной и грязный,
Как брошенную кость засасывает ил, –
И отдавались мы безумному соблазну,
А на свирели нам играл пастух Сифил!

Юрий ТОКРАНОВ
(1962)

* * *

Невысказанность фразы такова
была, что с болью думалось: слова
уже не смогут выбраться из связок
голосовых. А вырвутся, то сразу
взорвутся бесполезно. Голова
трещала, не вмещающая метастазы
коньячных газов, толчею «прости»
и мата, нервный шёпот «отпусти»,
обрывки, что шарахались пугливо
в извилинах, как крылья над проливом.
Но всё, что полагал произнести,
вместилось в бестолковое «счастливо».
И уходил. Не уходил, а таял
в отчаянии, не сознавая: та ли,
к которой торопился столько лет,

насмешливо теперь смотрела вслед
или другая. Двери хохотали,
распахиваясь в лестничную клетку,
пролёты трансформируя в этапы.
А после – между водкой и «Анапой» –
трезвее становясь, а не пьяней,
такую грязь насочинял о ней,
что даже карточка её сорвалась на пол.
Но...
подобрал
и закрепил
верней.

Анатолий ТРЕТЬЯКОВ
(1939)

ДВЕРЬ

За дверью, за этой дверью,
Где света полоска легла,
Не верю, я всё же не верю,
Что ты здесь когда-то жила...
Здесь больше не быть вдохновенью,
Любовь не появится здесь.
Пройдёшь ты неслышною тенью,
Как самая страшная мечь.
Я все мои клятвы нарушил, –
Да вот не сумел их забыть.
И лишь появляюсь снаружи,
А дверь мне твою не открыть!
Как счастье, мелькнёт только это –
И тут уж жалею – не жалею! –
Полоска неяркого света
Под дверью закрытой твоей.

Василий ФЕДОРОВ
(1918)

* * *

Я не знаю сам,
Что делаю...
Красота твоя, –
Спроси ее.
Ослепили
Груды белые,
До безумия красивые.

Ослепили
Белой жаждою.
Друг от друга
С необидою
Отвернулись,
Будто каждая
Красоте другой
Завидует.

Я не знаю сам,
Что делаю...
И, быть может,
Не по праву я
То целую эту, левую.
То целую эту, правую...

Елена ХЛЕСТКИНА
(1975)

РЕЗАНУЛО

Поцелуем резануло
Вкривь и вкось через все лицо.
Что ж ты, грешник мой, неуравновешенный,
Сразу не представился подлецом?
Я поцелуй стерла, свела, выжгла с лица.
И гадко, и нравится.
Эх! Резануло –
Полоска от плеча до виска.
И ликование, и тоска.
С цветами-пряниками –
А я отпрянула.
Клинок блеснул –
Враз потянулась!
Ножичком вжжжик...

* * *

Я бы хотела Вам не понравиться!
Глаза в пол.
– Белое? Красное? Пейте за здравице!
Бокал полон.

Я бы хотела Вам не понравиться!
Душу вон!
Сдавила бокал. Белые пальцы.
Хруст. Звон!

Я бы хотела Вам не понравиться!
Ах, поздно...

* * *

Не разглядела – думала лента пестрая,–
Взяла да и вплела змею в косу.

Сколько смертельных раздавала поцелуев,
Пока осознала причину.
А они ложились в гроб – руки сильные, головы буйные –
За любимым мужчиной любимый мужчина.

Каждому закрывала глаза и плакала.
Прощальный поцелуй, как контрольный выстрел.
И ведь не ведала, что за губами алыми
Очередная порция яда вызрела.

Это моей прабабки история.
От нее слава ведьмы досталась в наследие.
Но дочке отрезала косу под корень я –
Я хочу быть последней. Я должна быть последней!

Игорь ХОЛИН
(1920)

* * *

Пригласил в гости,
Сказал:
Потанцуем под патефон.

Сам дверь на замок.
Она к двери,
Там замок.
Хотела кричать,
Обвинила его в подлости.
Было слышно:
Мычанье,
Урчанье
И стон.
Потом завели патефон.

* * *

Познакомились в парке,
Разрешила приходить домой.
Аборт пришлось делать самой.
Это была пытка.
Она не повела бровью.
Врача вызвать побоялась,
К утру изошла кровью
И скончалась.

Марина ЦВЕТАЕВА
(1892)

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ
(1972)

Сначала разноцветен, после – бел
китайский иероглиф наших тел.

Твоя любовь
да пребудет во мне,
вонзённая по рукоять.
Твоя любовь
научила ноты чужие не брать,
а ещё – возвращаться любым на круги своя.
Только где они теперь? Помоги!
У пространства –

новые ярлыки,
имена героев, порядковые номера,
выпрямляющие круги.

Всё равно...

Всё, о чем умолчала твоя любовь,
покусывая платок,
просоленной банданы край, –
никудашный я бумеранг –
даже в воздухе найду буерак,
а чтобы на родимый порог...
Так вот, выбирай:
отпускать или не отпускать.

Но твоя любовь
пребудет во мне,
вонзённая по рукоять.

Иван ШЕПЕТА
(1956)

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Когда проезжаю под аркой,
где поезд свистит свысока,
то, словно машина с мигалкой,
меня догоняет тоска.

Прошли и любовь, и обида,
неправда и полная ложь,
и в зеркале заднего вида
сияющих глаз не найдёшь.

Как жертва великого мщенья,
порвавши последнюю нить,
не стану просить я прощенья...
и ты не попросишь простить!

Пусть счастье не общее наше –
не наше. Не всё ли равно? –
счастливей не стали мы – старше,
а значит – простили давно.

КУКУ - Ю!

Конец борьбе – я брошен чисто,
"ипон!", как говорят в дзюдо.
Ты вышла замуж за парашютиста,
как птица, яйца положив в гнездо.

А я кукую... Мне определяться,
а я не знаю, положить куда
всю жизнь мне так мешающие яйца,
нет на примете у меня гнезда!

Меня любовь не делает счастливой,
а ты, напротив, счастлива, любя.
Куриной слепоты, кувшинок, лилий
цветут цветы в болоте для тебя.

А для меня ни леса нет, ни поля.
Я этой жизнью будто не живу:

меня по жизни гонит злая воля
сплошных куку и новых дежавю.

Мария ШКАПСКАЯ
(1891)

Как много женщин ты ласкал
и скольким ты был близок, милый.
Но нес тебя девятый вал
ко мне с неудержимой силой.

В угаре пламенных страстей,
как много ты им отдал тела.
Но матью своих детей
Ты ни одной из них не сделал.

Какой святой тебя хранил?
Какое совершилось чудо?
Единой капли не пролил
ты из священного сосуда.

В последней ласке не устал
и до конца себя не отдал.
Ты знал? О, ты наверно знал,
что жду тебя все эти годы.

Что вся твоя и вся в огне,
полна тобой, как медом чаша.
Пришел, вкусил и весь во мне,
и вот дитя - мое, и наше.

Полна рука моя теперь,
мой вечер тих и ночь покойна.
Господь, до дна меня измерь, –
я зваться матерью достойна.

* * *

Дни мои, как пустая чаша, всю меня
выпил милый и теперь мне, жаждущей
и уставшей, нечем подкрепить свои
силы.

Справилась бы со жгучей жаждой,
сердце терпеливо и звонко. – Милого
может заменить каждый, но кто даст мне
его ребенка?

Было тело мое без входа и палил его
черный дым. Черный враг человеческого
рода наклонялся хищно над ним.

И ему, позабыв гордыню, отдала я
кровь до конца за одну надежду о сыне
с дорогими чертами лица.

Алексей ШМАНОВ
(1959)

* * *

Светила полная луна
и не было греха
ни в том, что ты была пьяна,
старуха, дрянь, труха,
ни в том, что мир – похмельный бред,

навязчивый, больной,
и что Творец эксперимент
поставил надо мной.

Светила полная луна,
Как третий глаз совы.
В паденьи, выпитом до дна,
был привкус трын-травы,
и страсть была, и страх, и грех,
а, впрочем, нет греха!
И ты была желанней всех –
старуха, дрянь, труха.

Я понял, этот мир до дна,
до матки не познать.
Светила полная луна –
блистательная блядь.
И был хмельной и низкий пир,
и не было огня,
и проклятый подлунный мир,
как нож входил в меня.

Борис ЮДИН
(1949)

* * *

Зависает Амур стрекозой над водою и млеет от вида.
И девицы спешат к зеркалам, словно кони идут к водопою.
Лето. Травы налиты любовью и так духовиты,
Что не дышишь, а плаваешь в этом целебном настое.

Ах, Амур! Ах, подлец! Он нарочно творит что попало.
И, похоже, ему всё-равно что – ни кожи, ни рожи.
Что упало - пропало и вряд ли возникнет сначала:
Ведь, нельзя в одну реку. Но, если захочется, можно.

Жаль, что прошлое слазит змеиной тиснёною кожей,
Только странно, что вопли оставленных спален азартны.
В доме ставни прикрыты, как веки, и ножницы ножек
У наложниц, у жён, у невест до смешного стандартны.

Только память – старуха, скребёт и скребёт по сусекам.
На щеках вызревают прыщи. Вот и вишня до срока поспела.
Наставления мамы заброшены камушком в реку,
Чтоб летать по ночам и не знать от кого залетела.

Абрам ЭФРОС
(1888)

СОНЕТ XIII

Пророчествуя грозное слиянье,
И негу ласк привычных отженя,
Ты, тёмная, недвижно ждёшь меня,
Застыв, как гробовое изваянье.

Но медлю я. Ужасно лобызанье
Твоих набухших губ; и нет огня
Язвительнее недр твоих; и дня
Постыдней нет, чем утром, в расставанье.

Мир предстаёт бескрасочен и пуст.

Кровь катится в бессмысленной дремоте,
И видит взор, как бы сквозь пелену,

Одну тебя – в ночи – тебя одну,
Припавшую кораллом жадных уст
К моей тугой и соком бьющей плоти.

СОНЕТ XIV

Не выйти бы из комнаты туманной!..
О, этот ужас улиц: окружён
Я запахами тел со всех сторон,
Я растворён в их сладости дурманной!

О, зыби грудей, зовы взглядов, странно
Свободные касанья, страстный гон!
О, эти мириады жарких лон,
Вокруг меня текущих неустанно!

И каждое бесстыдно завлекает,
И каждое томительно зовёт
К своим живым глубинам и высотам;

И плоть горит, и рвётся, и не знает,
Куда направить ярый свой полёт, –
Полёт пчелы к медохранящим сотам.

СОНЕТ XV

Здесь мирно всё. Неспешными стопами
Она вошла и прилегла ко мне:
Мы вновь с тобой на милой стороне,
О сердце, – парус, треплемый ветрами.

Погоня дня утихла. За стенами
Ночь синяя сияет в тишине,
А здесь, смотри, — в каком живом огне
Трепещет грудь под жаркими устами,

И тайный пламень светит сквозь лицо,
И тонких рук смыкается кольцо,
И плещет в ночь волна двойного стога;

Всем радостям сейчас раскрыта дверь! –
И плоть сама, как прирученный зверь,
Находит путь в тепло родного лона.

СОНЕТ XVI

Ещё огнём сквозят твои черты,
Ещё твоё лобзанье неутомно,
Но ты уже полна своей огромной,
Отягчена прозрачной тайной ты.

В доверчивом бесстыдстве наготы,
В порыве ласки, бурной и нескромной,
Ты вдруг замрешь, и словно облак тёмный
Тебя овеет тенью с высоты.

Мгновенный след заботливо стирая,
Ты снова льнёшь, сплетаясь и лобзя,
Но в очи мне мерцает мир иной:

Глухая ночь, светильник, и спросонка
Ты, брызнувшая млечною струёй
На розовое личико ребёнка.